

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ОДРИ КАРЛАН

CALENDAR GIRL

*Фанго и
счастья!!!*

18+

ОКТАБРЬ / НОЯБРЬ / ДЕКАБРЬ

Calendar Girl

Одри Карлан

Calendar Girl. Долго и счастливо!

«АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Карлан О.

Calendar Girl. Долго и счастливо! / О. Карлан — «АСТ»,
2015 — (Calendar Girl)

ISBN 978-5-17-103209-8

Все очень просто. Мне нужен был миллион долларов. Именно столько у меня требовали за жизнь моего отца. Девять месяцев подряд я исполняла роль эскорта для тех, у кого в кармане были лишние \$100,000. Но откуда ни возьмись пришла помощь, и долг выплачен заранее. Меня ждет новый вызов: я закручу роман с телевидением и попытаюсь стать звездой шоу-бизнеса. Личная жизнь тоже не даст расслабиться: мне придется спасти любимого от кошмарных воспоминаний и я встречу с матерью, бросившей мою семью пятнадцать лет назад. Как не дать прошлому сбить меня с пути?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-103209-8

© Карлан О., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Октябрь	6
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	28
Глава пятая	35
Глава шестая	42
Глава седьмая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Одри Карлан

Calendar Girl. Долго и счастливо

Audrey Carlan

Calendar girl. October / November / December

© Calendar Girl – October / November / December by Audrey Carlan, 2015

Copyright © 2015 Waterhouse Press, LLC

© Зонис Ю., перевод, 2017

© Ларина Е., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Октябрь

Дрю Хоффман

Это был долгий путь. Когда я только начинала, ты предложила помощь и советы в самый нужный момент. Спасибо тебе, что поделилась своими знаниями, оказала поддержку и стала мне другом. Я надеюсь, что тебе понравилась эта часть книги и ушлый Дрю Хоффман.

Глава первая

Тишина. Вот что приветствовало меня, когда я вошла в дом Уэса в Малибу. *В свой дом.* Не знаю, чего я ожидала. Возможно, у меня была мысль, что Вселенная внезапно распахнется передо мной и подарит рай на Земле в виде моего мужчины, стоящего на американской земле, в полной безопасности, в тепле нашего дома. Потому что, в конечном счете, именно этим он и был. *Нашим* домом. Уэс твердо настаивал на том, чтобы я изменила свой образ мыслей относительно того, что Джин называла особняком в Малибу. В качестве другого варианта он предлагал найти что-нибудь новое, уже вместе. Этого я не хотела. Если по-честному, я готова была с головой погрузиться во все, что отождествлялось у меня с Уэсом. Целиком и полностью моим. Единственным в своем роде. Элегантным. Великолепным.

Уэс тяжело работал, чтобы достичь всего этого в столь юном возрасте. Он не был хвастлив или жаден. Чистые линии, непринужденная обстановка так и манили присесть и многое говорили о владельце дома. Шагая по темным, пустым комнатам, я восстанавливала связь с принадлежавшими ему вещами, но что-то изменилось. На сей раз что-то было по-другому. Я окинула комнату внимательным взглядом, замечая небольшие различия, появившиеся за те два месяца, что я не была здесь.

На каминной доске над отделанным камнем камином стояла небольшая статуэтка балерины, высотой сантиметров двадцать пять. Она вскинула одну ногу высоко над головой, придерживая ее руками за лодыжку, и стояла на носке второй ноги. Эта вещичка принадлежала моей матери. Мама тоже вставала на цыпочки, прогибалась назад и в точности показывала мне, как балерины выполняют это движение. Мать была танцовщицей в Вегасе, но до этого выступала в балете, классическом и современном. Мне нравилось смотреть на то, как она двигается. Занимаясь уборкой, она вальсировала под музыку, слышную лишь ей одной. Ее черные волосы, спадавшие до талии, темной мантией кружились вокруг нее. В пять лет я считала, что моя мама – самая красивая женщина на свете, и я любила ее больше всех. Моя любовь была явно не к месту, в отличие от статуэтки. На этой каминной доске она занимала почетное место, и как бы мне ни хотелось смахнуть фигурку, чтобы она упала и разбилась, я все же ее не тронула. Если бы мне не хотелось сохранить статуэтку, я бы давно подарила ее кому-нибудь. Иногда воспоминания ранят, даже самые прекрасные.

Развернувшись, я оглядела гостиную. На журнальном столике стояла знакомая мне фотография в рамке. Мэдди. За день до того, как она пошла в колледж. Я бродила за ней по школе, словно потерявший хозяев щенок. Мэдс, с другой стороны, скакала, держа меня за руку и размахивая нашими сжатыми руками. Мы переходили из аудитории в аудиторию, и она рассказывала мне обо всех курсах, на которые записалась, и показывала по программе, что будет на них изучать. Ее радость была невероятно бурной, и я купалась в этом восторге. Именно тогда я отчетливо поняла, что моя девочка, моя младшая сестренка, станет кем-то значительным. Она уже стала. Моя гордость за нее не знала границ. Все дороги были открыты перед Мэдс, и ничто не могло ее удержать.

Следующим пунктом моего путешествия стала кухня. Здесь я обнаружила целый коллаж фотографий, прикрепленных магнитами к холодильнику. Отдельные снимки, которые я сняла с холодильника в своей крошечной квартирке, висели теперь тут. Мэдди, Джинель, папа. А еще я заметила парочку новых. Тех, что я не распечатывала. Уэс и я. Одна с ужина, а еще селфи, которое мы сняли в постели и на котором видны были только наши лица. Их мог повесить сюда только Уэс. Вот оно, начало всего. Я провела пальцем по улыбке Уэса на фото. Такой уверенный, сексуальный, крепко прижимающий меня к себе в кровати. У меня сжалось в груди, и я потеряла больное место. Скоро. Скоро он будет дома. Мне надо верить.

Довериться пути. Теперь, больше чем когда-либо раньше, мне надо было верить этим словам, вытатуированным у меня на ноге.

Перейдя в ту комнату, что стала нашей спальней, я застыла на месте, широко распахнув рот и выпучив глаза.

— Ох ты ж срань господня!

Замерев от восторга, я уставилась на изображение, глядевшее прямо на меня. Мое собственное изображение.

Это был последний портретный снимок, сделанный Алеком в феврале. Я стояла на обзорной площадке Спейс-Нидл и смотрела на раскинувшийся передо мной Сиэтл. Ветер сдувал назад мои волосы, развевавшиеся смоляными локонами у меня за спиной. В тот день я чувствовала себя освобожденной. Свободной от бремени, которое отец невольно взвалил мне на плечи, свободной от необходимости становиться тем, кого желал видеть клиент, — все это ушло в тот единственный миг спокойствия. Я была просто Миа, девушка, впервые увидевшая красоту раскинувшегося перед ней ландшафта.

Я не могла в это поверить. Уэстон приобрел самую дорогую из работ, сделанных Алеком со мной в качестве модели. Обсуждая с Уэсом прошедший год, я в конце концов рассказала ему об Алеке. Разумеется, не самые пикантные детали, только основное. Я сделала акцент на картинах, на том, как каждая из них изменила меня, позволила ясней взглянуть на жизнь, на любовь и на саму себя. Мы лежали в постели, обнаженные, со сплетенными руками и ногами, и я рассказывала Уэсу, как многим обязана Алеку за этот урок. И насколько неправильным казалось брать у него деньги после всего того, что он дал мне, — хотя у меня не было выбора.

Вытащив телефон, я проглядела список контактов и нажала на кнопку вызова.

— Ma jolie¹, чем я обязан исключительной радости слышать твой голос? — ответил Алек тем мягким и страстным тоном, который напомнил мне о лучших, счастливых деньках, проведенных под этим французским развратником.

Развернувшись, я взобралась на кровать, уселась, скрестив ноги, и уставилась на картину.

— Я, э-э-э, я не могу поверить...

Не закончив фразу, я просто повернула телефон, щелкнула полотно Алека, отослала ему и вновь прижала мобильник к уху. Я услышала, как на другом конце линии тренькнуло мое сообщение.

— Миа, parle-moi², с тобой все в порядке? — обеспокоенно спросил Алек.

Впитывая каждой клеточкой тела красоту, висящую над кроватью Уэса — над нашей с Уэсом кроватью, — я ответила дрожащим голосом:

— Проверь свои смс-сообщения.

— Я не поклонник такого способа общения, chérie³.

— Просто сделай это, — простила я, надеясь, что хоть так сумею его убедить.

Я услышала несколько щелчков.

— Ах, mais oui, ты сейчасмотришь на себя, non?

Бывают такие моменты, когда хочется дотянуться сквозь телефонную трубку и придушить того, с кем говоришь.

— Ты не понимаешь, Алек. Почему я смотрю на себя в спальне своего парня?

— Ma jolie, у тебя появился serein? Парень? — ахнул Алек.

¹ Радость моя (фр.).

² Скажи мне (фр.).

³ Дорогая (фр.).

Его раскатистое французское «р» почти заставило меня забыть о его раздражающей непонятливости.

– Ты наконец-то решила связать с кем-то свою жизнь. Félicitations! – поздравил меня Алек, но при этом так и не ответил на вопрос, откуда здесь взялась его работа.

– Алек, милый, я прошу минутку внимания! – рявкнула я.

Он хмыкнул.

– Ох, chérie, я всегда уделяю тебе внимание. Особенно когда ты рядом и обнажена. Я в точности помню, каково это было – держать тебя в своих объятиях весь тот месяц. А ты помнишь, oui?

– Алек, я сейчас не склонна предаваться воспоминаниям. Мне нужны ответы. От тебя. Каким образом эта картина оказалась здесь, в моей спальне?

Алек издал короткий смешок, а затем вздохнул.

– Всегда хочешь все знать. Может, это задумывалось как сюрприз, compte tenu de votre amant.

Мой французский слегка заржавел, поскольку я больше не учила язык и в последнее время не особенно часто говорила с Алеком по телефону, но, если в общем, он предположил, что мой возлюбленный решил сделать мне сюрприз.

– Уэс купил ее?

– Не совсем.

Выпрямив спину, я стиснула зубы так крепко, что смогла бы разгрызть парочку камней.

– Не время для скромности, Алек. Давай уже, французик, колись.

В трубке раздался сдавленный звук, словно художника тошнило.

– Колоться? Мерзкая привычка, и я уж точно не собираюсь этим заниматься.

Закатив глаза, я плюхнулась спиной на кровать.

– Алек... – предостерегающе проговорила я.

– Твой любовник не платил за картину, – отчетливо произнес он.

– Так как же она здесь оказалась?

Вытянуть информацию из моего француза, когда он явно не хотел отвечать, было сложнее, чем заставить мужчину оттянуть приближающийся оргазм после нескольких серьезных раундов траха. То есть в принципе невозможно.

В конце концов он вздохнул.

– Ma jolie, я буду честен с тобой, oui?

Можно было подумать, что он нуждался в ответе – он и так знал, чего я хочу, но тем не менее я ответила:

– Oui. Merci.

– Твой любовник связался с моим агентом. Он хотел приобрести «Прощай, любовь». Но я отказывался продавать ее.

Это меня удивило. Художник, создающий картины специально на продажу, чтобы показать их всему миру, вдруг отказался продавать свою работу.

– Почему? Это бессмысленно.

Он снова неопределенно хмыкнул.

– Просто так. Я люблю тебя, и мне хотелось, чтобы на твою красоту любовались достойные ее люди. У меня были правила, касающиеся каждой картины. И с двумя работами я не собирался расставаться.

– И с какими же именно двумя?

Его голос стал тише, перейдя в сексуальное воркование, знакомое мне даже слишком хорошо.

– Мне нравится смотреть на нас в наш момент любви. Я повесил «Нашу любовь» в своей берлоге на вилле во Франции. Je ne pouvais pas m'en séparer, – сказал Алек, и я принялась судорожно рыться в памяти, пытаюсь составить из его слов нечто осмысленное.

Насколько я поняла, он утверждал, что не в силах расстаться с ней.

– Алек, но это глупо, – рассмеялась я. – Вся суть выставки состояла в том, чтобы поделиться своим искусством.

– Ах-х, но я хочу, чтобы каждый день на нее смотрели лишь достойные. Я продал остальные, но каждая из них ушла к покупателям, которых я проверил и с которыми лично поговорил.

Я покачала головой и облизнула пересохшие губы. Внутри меня бурлили эмоции: картина, разговор с Алеком, тоска по Уэсу. Казалось, что в душе у меня прогулялся смерч. Я пыталась собрать воедино разрозненные куски мыслей и чувств, но что-то тут не складывалось.

– А эта картина? Как она здесь очутилась?

– Я поговорил с твоим Уэстоном. Он рассказ мне, кто он такой и откуда знает о наших отношениях. Я ожидал grabuge.

– Грабеж?

Он ожидал грабежа? Что?!

– Merde⁴. Нет. Как это у вас... уборка?

Тут я захрюкала от смеха.

– Разборка?

– Oui. Разборка. Однако он вел себя как истинный джентльмен. Сказал, что видел фотографии с выставки в Сети и хочет купить их.

– Их? В смысле, все картины?

– Oui.

Алекс сказал это так, словно не находил тут ничего необычного. Мне, напротив, показалось весьма необычным, что мой непритязательный серфингист решил вдруг потратить миллионы на картины... со мной. После его возвращения нам, несомненно, предстояло обсудить, зачем он транжирит тяжким трудом заработанные доллары. Боже, лишь бы он только вернулся.

Я быстро вскочила и прошлась по дому, заглядывая во все комнаты. Больше на меня мои изображения ниоткуда не пялились.

– И...

– Я ответил ему отказом. Я сказал, что он сможет купить лишь одну, и, если он сделает правильный выбор, я продам ему картину.

Господи Иисусе. Алек был очень странным парнем. Сложным, необычным, любящим, непосредственным, требовательным, невероятным в постели, но очевидно странным. С другой стороны, разве не все творческие личности такие? Нельзя подогнать их странную натуру под единый стандарт – хотя бы потому, что большинство людей реагируют иначе.

– И?

– Он выбрал правильно. Он выбрал тебя.

От того, как он это произнес, мурашки побежали у меня по предплечьям. Я потерла их и обхватила себя руками, поскольку рядом не было никого другого, кто мог бы меня обнять.

– Но я на всех картинах, Алек.

– Нет. На других просто какие-то случаи из твоей жизни, из опыта, а на некоторых ты просто играла во имя искусства. Лишь на этой изображена ты, такая как есть, сейчас. И он захотел ее. Так что я позволил ему обладать тобой.

⁴ Зд.: черт возьми (фр.).

Слово «обладать» прозвучало в его устах странно.

– О чем ты?

– Считай это подарком тебе и ему. Вашей любви.

– Ты подарил моему парню картину, которая стоит четверть миллиона долларов?

– Вообще-то полмиллиона, если быть точными.

– Твою ж мать!

– Миа. Je t'aime. Я все равно собирался отдать тебе половину денег, которые бы за нее выручил. А так у тебя перед глазами каждый день будет прекрасное напоминание о том, кто ты есть. Я в восторге от того, что он повесил картину над вашей кроватью. Лучшее место для нее сложно было придумать.

Я шмыгнула носом, чувствуя, как слезы выступают на глазах.

– Я тоже люблю тебя, ты в курсе? По-нашему.

И я была абсолютно искренна.

Алек рассмеялся.

– Oui. Я знаю, ma jolie.

И в точном соответствии с названием картины он завершил наш разговор двумя словами:

– Прощай, любовь.

Я надеялась, что не в последний раз говорю с моим скабрезным французом. Даже несмотря на то, что сейчас он в каком-то смысле благословил нас с Уэсом, мне не хотелось, чтобы Алек уходил из моей жизни. Он навсегда останется частью этого путешествия, и я буду любить его до последнего своего дня. Просто Уэса я любила больше. Я была влюблена в него, и мне нужно было, чтобы он вернулся домой.

Ночь оказалась прохладней, чем во время моего прошлого посещения, но внутренний холод терзал меня уже много недель. Я перевела взгляд вверх, на звезды, думая о том, видит ли их сейчас Уэс. И хотя обещала себе, что подожду его звонка, вытащила из кармана телефон и набрала его номер. Звонок сразу перебросило на автоответчик. Все в моем теле сжалось от напряжения. Я с трудом успокоила дыхание, пытаюсь не впадать в панику от того, что он не отвечает. Возможно, Уэс спал. Во имя всего святого, он выздоравливал после ранения в шею. Расслабься, Миа. Ты говорила с ним только вчера.

– Эй, привет, это я. Просто хотела услышать твой голос. Я дома. В, э-э-э, Малибу.

Я взглянула на темный океан вдалеке. Когда я снова заговорила, мой голос дрожал.

– В доме тишина. Я не знаю, где Джуди.

Волны разбивались о берег, а ветер трепал мои волосы, отчего я мерзла еще сильнее.

– Рада, что ты распаковал мои вещи. Или, может, это сделала Джуди – но я все же надеюсь, что это сделал ты, чтобы совместить наши жизни.

Я принялась дергать нитки, торчащие из шва на джинсах.

– Уэс, господи, мне так тебя не хватает. Я не хочу спать одна в нашей кровати.

Как бы я ни пыталась сдержать слезы, это не помогло, и пара предательских слезинок скатилась по щеке. Я не знала, что еще сказать ему, чтобы показать, как сильно мне его не хватает. Как я хочу его. И не верю, что в моей жизни будет хоть что-то хорошее, если мне придется прожить ее без него.

– Помни меня, – шепнула я и прервала звонок.

Для нас эти два слова значили столько же, сколько любые клятвы и уверения в любви, если не больше. Я еще раз взглянула на небо, развернулась и направилась в свою старую

спальню. Если я не могла быть с ним по-настоящему, то и в нашей общей постели спать не собиралась.

Невесомость. Именно это я чувствовала. В душных волнах сна меня сжимали чьи-то сильные руки. Я крепче прижалась к теплому телу, потерлась носом, вдыхая знакомый мужской запах. Те немногие ночи, когда я могла спокойно спать, были наполнены им. Сегодня я не стала бороться с наваждением, а с охотой поддалась ему. Пусть меня охватит радость от его присутствия, от того, что он заботится обо мне, – пусть проникнет в каждую клеточку тела, обвоет и защитит сердце. Я представила, как Уэс укладывает меня в кровать. В нашу кровать. Представила подушку, пахнущую им: океаном, солью с легкой примесью чего-то еще, что было присуще только Уэсу. Запах впитался в подушку. Я потерлась лицом о мягкий хлопок.

– Я по тебе скучаю...

Мой голос дрогнул, а из глаза выкатилась слеза.

Что-то легонько, как перышко, коснулось моих щек.

– Я здесь. С тобой, – шепнул он мне на ухо.

Сны прекрасны тем, что могут быть жестокими и великолепными одновременно. Они способны были дать мне все, о чем я мечтала, – и лишь затем, чтобы при утреннем свете все исчезло без следа.

Мои веки распахнулись, и усталым глазам предстала некая фигура. Его фигура.

– Не бросай меня. Останься.

Я быстро заморгала, стараясь удержать глаза открытыми. Окна были распахнуты, и по комнате гулял прохладный морской ветерок. Я глубже зарылась в теплое одеяло, натянув его до подбородка. Меня охватило тепло. Рука обвилась вокруг моей талии, и во сне я ликовала, чувствуя его прикосновение. Чувствуя, что он близко, что он обнимает меня, а его дыхание щекочет мне шею.

Его крупное тело прижалось ко мне сзади, и я что было сил прильнула к воображаемому Уэсу, не думая о том, что на самом деле его нет рядом. Я представлю, что он здесь, и одну ночь посплю спокойно. То, как он обнимал меня, как тыкался носом в мои волосы, шею, плечо – это казалось таким реальным. Взяв его ладонь, лежавшую у меня на талии, я прижала ее к своей груди и поцеловала в костяшки пальцев, всем своим существом вдыхая его запах. Так, чтобы, проснувшись, чувствовать в своей душе его отпечаток. Его тяжелый вздох защекотал кожу за ухом. Вновь невольно потекли слезы. Я крепко зажмурилась, не желая, чтобы это сладкий мираж рассеялся. В конце концов тепло, согревающее мне спину, и окружающее меня чувство покоя притупили мою печаль и боль. По крайней мере на эту ночь.

Глубоко во сне я слышала его голос:

– Спи, милая. Я буду здесь. Я никогда тебя больше не оставлю.

– Хорошо, – шепнула я своему воображаемому Уэсу и прижалась к нему еще сильнее, стараясь успеть до того, как Песочный человек получит свою следующую жертву.

Руки Уэса сомкнулись вокруг меня, и на секунду во мне вспыхнула искра узнавания. Каждая часть его тела прикасалась ко мне точно так же, как если бы он на самом деле был здесь. Вздохнув, я расслабилась, погружаясь в сон.

Голос Уэса прозвучал как будто издалека, искаженный расстоянием:

– Я помню тебя, Миа. Каждый день нашей разлуки ты была там, со мной. Я жил памятью о тебе.

Глава вторая

По моей коже прошла яростная волна жара, облизнув каждый изгиб, пока я не почувствовала, что очутилась в адском пекле. Тяжесть, присоединившаяся к жару, мешала мне пошевелиться. Я попыталась двинуть ногами и обнаружила, что они прижаты к кровати. Чья-то волосатая нога была перекинута через мои бедра. Пойдите. Что? Когда мой мозг наконец-то включился, все внутри напряглось. Мое сердце начало колотиться так громко, словно на грудь мне водрузили барабан – я даже начала опасаться, что этот грохот разбудит прикорнувшего у меня за спиной типа. Меня резко бросило в пот, а рецепторы страха врубились на полную мощность.

Как можно медленней я собрала в кучку свои влажные от ужаса конечности и приготовилась к атаке. Стиснув пальцы в кулак, я приготовилась к тому, чтобы ударить локтем, оттолкнуться и перекатиться на бок, примерно так, как нас учили в школе на уроке безопасности при пожаре. Только тогда это звучало как «остановиться», «упасть», «перекатиться». Я мысленно повторяла это, как заклинание. Ударить. Перекатиться. Упасть. В смысле, упасть с кровати и броситься бежать со всех ног.

У меня за спиной раздалось мужское ворчание, и конечности, обвивавшие меня, сжались еще крепче.

– Я практически слышу твои мысли.

Его голос прозвучал хрипло со сна.

Только я было собралась хорошенько врезать ему и побить олимпийские рекорды, следуя своей тщательно продуманной стратегии «ударить-перекатиться-упасть», как этот голос рассек мой план, словно острый клинок – сатиновую ленту.

Новое чувство охватило меня. По коже побежали мурашки, а затем меня пробрал озноб. На глазах выступили слезы, и я обернулась. Смертельная хватка ослабла до такой степени, что я смогла двигаться. И вот я очутилась лицом к лицу с мужчиной, которого желала больше, чем сделать следующий вдох.

С Уэсом.

Слезы хлынули. Его ладонь поднялась и прижалась к моей щеке.

– Скучала по мне? – ухмыльнулся он, и тут у меня снесло крышу.

Со скоростью ниндзя я повалила его на спину и оседлала. Весьма впечатляющая часть его тела явно демонстрировала, что ей тоже не терпится сказать «привет», но я собиралась заняться этим позднее. Мои губы уже двигались к цели. Я осыпала поцелуями каждый сантиметр его лица. Весь лоб, щеки, подбородок, обросший щетиной, щекотавшей и коловшей меня при каждом движении. Я не трогала лишь шею с повязкой, закрывавшей рану.

Боже, я не могла поверить, что он был здесь, во плоти.

В конце концов я прижалась губами к его губам. Он немедленно приоткрыл рот. Не прошло и полсекунды, как я сделала его своим.

Его язык был теплым и влажным – все, о чем я мечтала последние два месяца. Я взяла в ладони его лицо, и наши языки заплясали. Руки Уэса скользили по моей спине, бедра вдавливались в мою кистку, одновременно успокаивая и разжигая тлеющее внутри меня желание.

Он ненадолго оторвался от моих губ и прорычал:

– Я должен быть внутри тебя, Миа. Дай мне ощутить всю полноту жизни.

Не прерывая поцелуя, я приподнялась и стянула с себя трусики. Покончив с этим, я вцепилась в его боксеры и дернула их, оттягивая ткань как можно ниже, пока она не собралась гармошкой у моих ног. Уэс одним движением стянул трусы и сжал мои бедра. Его член, длинный, массивный и твердый как камень, гордо выпрямился, готовый поразить цель.

Не было никакой нужды в прелюдии, нежных ласках или страстных словечках. Я не занималась любовью и даже не трахалась с мужчиной, по которому соскучилась после долгой разлуки. Нет, мы подтверждали свое право друг на друга. Животный, яростный секс, но все же исполненный неистового обожания.

Я снова приподнялась и размазала жемчужинку предспермы, выступившую на самом кончике члена, по всей головке. О, у меня слюнки текли от желания отсосать ему, но сейчас мне нужен был более плотный контакт. Я с силой опустилась и вскрикнула, когда толстый, перевитый жилками сосудов ствол пронзил меня. Воздух вырвался из легких. Моя киска сжималась и пульсировала вокруг жесткого стержня внутри меня. Подавшись вперед, я опустила ладонь с расставленными пальцами ему на грудь, прямо над сердцем, и заглянула в его светло-зеленые глаза.

– Уэс, – выдохнула я, похлопав его по груди, – ты настоящий.

– А ты отрада моих усталых очей, – отозвался он, но его глаза сказали мне все.

Как ему меня не хватало. Как он хотел меня. И как любовь, вспыхнувшая между нами, привела его домой.

– Боже, ты безумно красива.

Его пальцы сжались вокруг мясистой части моих бедер, оставляя синяки.

Но мне было плевать. Мне хотелось, чтобы он оставил на мне свое клеймо. Знать, что он оставил на мне физическую метку, – значит поверить, что он наконец-то дома, что он рядом. Я никогда его больше не отпущу.

Руки Уэса легли на мою майку, и я стянула ее через голову и отшвырнула в сторону. Затем я начала мерно раскачиваться. Он втянул воздух сквозь зубы и закрыл глаза.

– Не закрывай глаза!

Мой голос дрожал. Уэс облизнул губы и приподнял меня так, что его член практически вышел, а затем позволил гравитации вступить в дело, так что я рухнула на него. Мы оба ахнули от такой глубины проникновения. Я стиснула мышцы, и его член внутри раздулся еще больше.

– Почему, крошка? – спросил он, поддавая бедрами вверх.

Его каменнотвердый член прошелся по той самой заветной точке.

Я погладила Уэса по лицу, касаясь кончиками пальцев каждой черточки и снова убеждаясь, что он реален. Когда я дошла до губ, Уэс принялся посасывать и покусывать мои пальцы, отчего мое тело пронзил разряд чистого наслаждения. Моя киска сжалась, а место соединения наших тел стало скользким от влаги.

Покачиваясь взад и вперед, вверх и вниз, он позволил мне установить ритм.

– Почему? – снова спросил он, играя с моими сосками, пощипывая и оттягивая их так, что они превращались в крохотные очаги боли, жаждущие тепла его рта.

Упершись руками ему в грудь, я приподнялась и снова с силой опустилась, вдавливая клитор в его тазовую кость.

– Черт, милая. Я сейчас кончу.

– Таков мой план.

А заодно и способ отвлечь его от вопроса.

Но Уэс на это не купился. Он сжал мою талию, не давая мне двинуться. Меня как будто приколотили к стене, не считая того, что вместо гвоздя был гигантский, пульсирующий и сочный кусок мужской плоти. Я даже всхлипнула от того, что была полна до краев, но лишена удовольствия проехаться на этом члене, пока не кончу.

– Скажи мне.

Я скинула голову, пытаясь избавиться от засевшего в шее напряжения – такого застарелого, что, казалось, оно было там всю мою жизнь.

– Малыш, когда я вижу нас во сне, наши глаза закрыты, – просто ответила я.

Это был ответ, но туманный, неопределенный, скрывающий правду.

– Ты часто видела меня во сне?

Его вопрос застал меня врасплох, угодив прямо в центр терзающего меня страха. Я боялась, что проснусь в одиночестве, сломленная и с такой огромной дырой в сердце, что весь Тихий океан сможет свободно протечь сквозь нее.

Поначалу я ничего не ответила, но Уэс начал вкруговую вращать бедрами, двигая членом внутри меня и заставляя мою киску пульсировать, а все остальное – дрожать от напряжения.

– Часто, милая?

Я кивнула и прикусила губу, наслаждаясь каждым его движением. Я хотела, чтобы он навсегда остался внутри меня. Говоря откровенно, я хотела, чтобы он остался навсегда. Точка.

– Ты кончала, думая обо мне?

Его глаза вспыхнули цветом темной лесной листвы, а зрачки расширились.

Я вздохнула и расслабилась – Уэс наконец-то позволил мне двигать бедрами, и я заерзала в страстном желании обрести разрядку.

Тихо вздохнув, я ответила ему. Я бы сделала для него все что угодно, даже если бы это поставило меня в неловкое положение. Уэс вернулся домой.

– Иногда. В основном ты исчезал, а я оставалась одна в чужой постели.

Он сжал мои бедра и подтолкнул вверх, а потом, задавая ритм, начал постепенно опускать – сантиметр за сантиметром. Его массивный член медленно протискивался сквозь чувствительные ткани, бросая меня в дрожь приближающегося оргазма.

– Не закрывай глаза, – повторила я.

– Я никуда не денусь.

Уэс приподнялся и начал отодвигаться назад, пока не уперся спиной в изголовье кровати. Его член проник невозможно глубоко, и я ахнула, откинув голову. Мои волосы рассыпались по спине, щекоча мою задницу и его бедра. Одной рукой Уэс крепко стиснул меня за талию, а второй повел вверх по спине, лаская кожу между ключицами, пока не добрался до волос и не захватил полную пригоршню... сильно. Он заставил меня поднять голову, пока мы не очутились лицом к лицу.

Железные тиски, сжавшие мои волосы, и покалывающий жар у корней быстро превратили боль в удовольствие. Я застонала, потянувшись губами к его губам.

– Это, милая. То, что между нами. Между мной и тобой. Именно это позволило мне выжить. Я обязан тебе жизнью.

Его глаза наполнились слезами. Он смотрел на меня так, словно мог заглянуть прямо в мою душу.

Я покачала головой и облизнула губы, прикоснувшись языком и к его губам. А затем, увидев две дорожки слез на его щеках, я тихо ахнула.

– Нет, Уэс. Я живу ради тебя. Ты заставил меня поверить, что я достойна большего. И, малыш, ты мое «навсегда»... и в этом все.

Я сжала в ладонях лицо Уэса, а он – мое, и наши губы встретились, давая, даря, любя. То, что я раньше считала любовью, не шло ни в какое сравнение с этим. Я знала, что никогда никого не полюблю всем своим существом так, как любила Уэстона Ченнинга Третьего.

Он чуть подался назад, покрывая мое лицо поцелуями. Его стержень все еще пронзал меня. Казалось, что ему достаточно просто быть внутри меня, сливаться со мной, превращая наши тела в одно общее.

– Я скоро женюсь на тебе.

Его дыхание обдало мое ухо теплом, но слова были обжигающими, и от них жар выплеснулся из моего сердца и разлился по телу. Я сжалась вокруг Уэса, и он застонал.

– Ты делаешь предложение?

Я двинула бедрами, напоминая ему о том, что мы все еще слиты воедино. Удовольствие ощущать его в себе, твердого и решительного, само по себе было афродизиак. Я вздохнула, привстала на колени, передвинулась на пару сантиметров и вновь опустилась, опять разжигая огонь.

Уэс тихо ахнул и начал играть с моими сосками, а потом потянулся вперед и взял один из них в рот. Я прижала его голову к своей груди, наслаждаясь тем, что он снова здесь. Мои соски ныли от сладкого предвкушения. Уэс сильно присосался к самому кончику, а затем подался назад, выпуская его изо рта. Его слюна блеснула в утреннем свете на самом верху соска. Сексуальное зрелище, имитирующее то, что творилось сейчас внизу.

– Я не делаю предложение, потому что у тебя нет возможности ответить отказом, – ответил он, прежде чем вновь провести языком по соскучившейся груди.

– В самом деле?

Я вздохнула и крутанула бедрами, пытаясь усилить трение.

Он зарычал, не отрываясь от моей груди.

– Это тело принадлежит мне.

Он жадно втянул сосок в рот, отчего мое тело пронзил разряд наслаждения, а киска увлажнилась до невозможности. Его губы скользнули по коже, под которой лихорадочно билось мое сердце.

– Это сердце принадлежит мне.

Он лизал и целовал кожу, а затем сцепил руки у меня на затылке. Его губы нависли над моими.

– Эта любовь принадлежит нам.

Он подкрепил это заявление глубоким, крышесносным, умопомрачительным поцелуем.

Уэстон был прав. Эта любовь принадлежала нам, и в течение следующего часа он наглядно демонстрировал, как именно она выглядит, так что я теряла разум снова и снова.

Я наблюдала за тем, как Уэс спит и дышит во сне после наших занятий любовью. Никогда бы не подумала, что просто глядя на то, как мой любимый мужчина спит, дышит и просто находится рядом, я почувствую такой душевный покой – но так и было. Уэс точно удивил меня до чертиков, когда я проснулась и обнаружила, что он спит, свернувшись у меня за спиной. И все же, проводя пальцами по его волосам, я до сих пор с трудом могла поверить, что он в безопасности, целый и почти невредимый, дома. Конечно, слегка потрепанный, но живой и спящий рядом со мной.

Внезапно дверь спальни распахнулась, и вошла Джуди. Ее взгляд остановился на мне, а затем на Уэсе. Стопка чистого белья закачалась у нее в руках, и старушка громко ахнула. Я улыбнулась. Лицо Джуди просияло, щеки мило зарозовели. Она поспешно положила полотенца и простыни у комода, развернулась и вышла из комнаты.

Я потихоньку выбралась из кровати, натянула на себя белую футболку Уэса и вдохнула исходящий от нее запах. Потом на цыпочках вышла из комнаты и отправилась на кухню, где Джуди вытаскивала из шкафа коробки с припасами. Когда она поставила на стол смесь для блинчиков, я заметила, что ее руки дрожат.

– Джуди?

Я обошла стол, и она замерла, опутив плечи. Затем порывисто обернулась и заключила меня в могучие объятия.

– Мой сынок дома. Слава Господу Богу.

Она то плакала, то смеялась, пока я прижимала ее к груди.

– Теперь мы можем стать настоящей семьей.

И снова оно. Это слово, которое начало значить для меня больше всех других.

– Если все будет так, как хочет Уэс, это случится скорее раньше, чем позже.

Джуди сделала шаг назад, держа меня за предплечья. Сморщив лоб, она склонила голову к плечу.

– В смысле? Он что, попросил тебя?..

Вскинув тонкую руку ко рту, она уставилась на меня во все глаза.

– Вот чертенок, – с восторгом и удивлением выдохнула она.

– Он не просил меня выйти за него замуж.

Джуди нахмурилась и подбоченилась.

– Что?

Я покачала головой, взглянула ей в глаза и сказала то, что она хотела услышать.

– Он сказал, что женится на мне.

Женщина, посвятившая заботам о нем больше времени, чем любой другой человек – не считая разве что родной матери, ухмыльнулась.

– Я тебе говорила: когда Уэс твердо решает добиться чего-то, он всегда получает то, чего хочет.

Развернувшись, она сняла с полки сито, сковородки и прочую необходимую ей кухонную утварь.

– Что вы делаете?

Я взглянула на часы. Время перевалило за полдень.

– Готовлю вам двоим невероятный завтрак в честь возвращения домой, птичка моя.

Ну разумеется. Уж кто-кто, а Джуди всегда была готова выразить свою радость, любовно приготовив целую кучу вкусняшек. И я намеревалась съесть все до кусочка. Мой желудок начал урчать уже от одной мысли о домашней еде. С самого Техаса мне не удавалось поесть нормально, за семейным столом, не ковыряя еду вилкой и не размазывая ее по тарелке.

Я как раз наливала себе чашку кофе, когда пара сильных и теплых рук обняла меня за талию.

– М-м-м, тебя не было рядом, когда я проснулся. И мне это не понравилось.

Судя по его тону, он отнюдь не шутил. Из уст моего беззаботного, не заморачивающегося лишним раз парня это прозвучало странно. И даже более чем странно.

Рассмеявшись, я прижалась к нему. Мой висок коснулся чего-то твердого и колючего.

– С каких пор? – протянула я, не желая серьезно воспринимать его замечание.

Я не пришла в восторг от этой внезапной перемены в характере Уэса. Раньше, когда мы спали в одной кровати, тот, кто просыпался первым, старался не будить другого. Для нас это было нормой. Но сейчас все изменилось.

– Не задавай вопросов, ответов на которые не хочешь услышать, – предостерегающе произнес он.

Его голос прозвучал суровей, чем обычно. Беззаботный Уэс, которым он был всегда, все еще никуда не делся, но сейчас его сложно было разглядеть под новой мрачной маской.

Что-то кольнуло меня в висок, и, вскрикнув: «Ой!», я резко вскинула левую руку. Мои пальцы коснулись шуршащей ткани.

– М-мать! – прошипел Уэс, сжимая мои бедра.

Крутанувшись на месте, я оценила масштабы повреждений. Слева у Уэса на шее красовалась большая белая повязка, которую я заметила краем глаза, прежде чем наброситься на него, как оголодавшая нимфоманка. В ее центре виднелось алое пятно, расплывшееся все больше с каждой секундой.

– О господи боже, твоя рана. Вот блин! Мне следовало быть осторожней.

Только тут до меня дошло, что этим дело далеко не ограничивалось. Теперь, когда жажда подтвердить нашу связь была удовлетворена, я окинула его более критическим взглядом.

На груди Уэса было несколько царапин и ссадин. На одном из предплечий я заметила несколько ожогов. Дрожащими пальцами я ощупала раны.

– Малыш...

Мне трудно было говорить из-за комка в горле.

– Я в порядке. Мы оба дома, и мы можем оставить это позади.

Его голос прозвучал напряженно. В каждом слове мне чудился острый, как нож, привкус гнева.

– Но ты не в порядке.

Нагнувшись, я поцеловала каждый обнаруженный мной шрам и каждую рану. Но больше всего меня беспокоила шея.

– Почему она не зажила больше?

– Рана открылась через несколько дней после операции, и пришлось накладывать новый шов. Судя по всему, надо все время валяться в кровати, чтобы не разбередить рану случайными движениями.

Он ухмыльнулся, а я нахмурилась. Пока его не было, я вела себя, как буйнопомешанная. Но ему-то пришлось раз в десять хуже. Представляю, каким милым он был пациентом.

Продолжая разглядывать его тело и заносить в память каждую из его ран, я заметила на левом предплечье Уэса что-то вроде оспин с красными воспаленными краями и струпьями в центре. Я хотела поцеловать одну из них, но Уэс удержал меня за шею и покачал головой.

– Не надо. Я не хочу, чтобы эта гадость запятнала твоё совершенство.

Он сжал зубы, а его глаза казались двумя черными дырами, лишь по самому краю радужки опоясанными изумрудно-зеленым ободком.

Не слушая его, я осмотрела одну из отметин ближе. Уэс зажмурился и стиснул зубы еще крепче.

– Глаза, малыш, – напомнила я ему свою ночную просьбу. Он знал, что я все еще не пришла в себя после его похищения и что пережить случившееся мы сможем только вместе. Надо было вскрыть эти душевные раны и выпустить дурную кровь, чтобы они затянулись.

Взгляд Уэса скрестился с моим. Когда мои губы застыли в паре миллиметров от уродливой язвы, его ноздри затрепетали. Не отводя глаз, я прижалась губами к одному из шишковатых рубцов над ожогом. Если это было тем, о чем я думала – а я видела один раз, как один из громил Блейна так издевается над провинившимся должником – радикалы тушили сигареты об руки моего дорогого Уэса. Уродовали его прекрасную, обласканную солнцем кожу, оставляли вечное напоминание о том, где он побывал. Мне хотелось смыть эти воспоминания чем-то приятным.

Поэтому я сделал единственное, что могла. Я поцеловала все отметины, одну за другой, вновь присваивая его себе.

– Это тело принадлежит мне, – шепнула я ему его собственные слова, переключаясь с руки на грудь.

Прижав губы к груди Уэса, прямо над сердцем, я принялась целовать и облизывать его так же, как он делал со мной. Уэс низко, глубоко застонал, но глаз не закрыл.

– Это сердце принадлежит мне.

Я облизнулась, встала на цыпочки и обвила руками его плечи, стараясь не потревожить повязку на шее. Приблизив губы вплотную к его губам, я произнесла последние слова:

– Эта любовь принадлежит нам.

А затем я поцеловала его долгим, страстным поцелуем, вложив туда всю накопившуюся внутри меня за последние два месяца любовь.

– Вы двое собираетесь лизаться весь день, или все же отведаете приготовленные мной угощения? – окликнула нас Джуди с противоположного конца кухни, прерывая то, что, без сомнения, переросло бы в еще один раунд жесткого траха – прямо там, не сходя с места.

Уэс рассмеялся, не отрываясь от моего рта. Одной рукой он продолжал сжимать мою талию, удерживая наши тела прижатыми друг к другу, а второй щупал мои попку, основательно стиснув одну булочку. В моих нижних регионах начало разгораться возбуждение.

Я потерялась носом о нос Уэса.

– У нас впереди вечность, малыш. Давай поедим. Ты слишком тощий, – сказала я, проводя рукой по его обнаженной груди и ощущая выступающие ребра.

Он сильно похудел, но это никак не сказалось на его натренированных мышцах и твердых кубиках пресса. Чертовски сексуальные углубления на его бедрах проступили немного сильнее, словно стрелки, указывающие точно на источник моего восхищения. Я обхватила ладонью его член, уже наполовину напрягшийся.

– Позже? – сказала я, маскируя обещание вопросительной интонацией.

Он еще крепче сжал мою булочку и потерялся членом о клитор. Боже, он умел с точностью до миллиметра попасть в мою горячую точку, не тратя время на поиски.

– Ладно, милая, но ты принадлежишь мне. Весь день и всю ночь.

Я фыркнула, собрала волосы в неаккуратный узел на макушке и закрепила их резинкой, намотанной на запястье. Пряди рассыпались вокруг моего лица. Взгляд Уэса скользил по моим обнаженным ногам, где я оставила ему на обозрение солидную часть бедер, и по груди, где ткань смялась и разошлась под весом моих голых сисек. Уэс пожирал меня глазами, так что мне пришлось поспешно сжать бедра, чтобы сбросить хотя бы часть напряжения.

– Неандерталец, – бросила я в ответ и подмигнула.

Он шагнул ко мне, обнял меня за талию и с силой прижал к груди. Затем, нагнувшись к самому моему уху, шепнул:

– Ох, милая, ты и не представляешь, насколько. Я выжил лишь благодаря мыслям об этом теле, о твоих розовых сексуальных губках, ласкающих мой член, и о твоей жаркой и тесной киске, сжимающейся вокруг меня. И я намерен поступить с твоей задницей как настоящий пещерный человек.

Его тяжелое дыхание щекотало мою ушную раковину. Его слова одновременно соблазнили и возбуждали.

– Оно нужно мне. Ты нужна мне. Всегда, – заключил Уэс.

Я растаяла.

– Мы можем пропустить завтрак? – с надеждой предложила я, уже чувствуя, как моя киска пульсирует от возбуждения и жаждет его вторжения.

– О нет, не можете! Я приготовила целое пиршество в честь возвращения моего сыночка в родной дом. Идите сюда, вы двое! – с показным негодованием накинулась на нас Джуди.

Мы с Уэсом не смогли сдержать смех. Наша усталость, наши исцелившиеся сердца и неуправляемая жажда обладать друг другом довели нас практически до лихорадки.

– Ладно, ладно, Джуди, мы поедим, – уступил Уэс.

Мне захотелось соорудить недовольную гримасу – что я и сделала, и хмурилась до тех пор, пока не уселась за стол и не обнаружила перед собой тарелку с исходящим парком беконом, яичницей, оладушками и гарниром из фруктов. Бросив взгляд на тарелку Уэса, я обнаружила аналогичное содержимое. Непонятно почему это меня несказанно обрадовало. Внезапно я ощутила дикий голод. Казалось, мне захотелось есть впервые за много лет, хотя, по сути, речь шла всего лишь о нескольких неделях. При виде того, как Уэс со стоном блажен-

ства поглощает свежесвепеченные оладушки, мой голод достиг титанических пропорций. Не прошло и пары минут, как я затолкала в рот такое количество еды, что меня пришлось бы выкатывать из кухни.

– Джуди, ты превзошла себя, – заявил Уэс, опустошая собственную тарелку.

Его веки начали сонно опускаться. За один месяц он испытал больше, чем многие за всю свою жизнь.

– Как насчет душа? – предложила я.

Он распахнул глаза. Их обычная зелень сверкнула пронзительно-изумрудным цветом свежескошенной травы – знак, что он возбужден.

Уэс встал и схватил меня за руку, помогая подняться со стула.

– Всенепременно. Топай вперед.

Хмыкнув, я качнула бедрами и двинулась обратно к хозяйской спальне.

– Ты просто хочешь попятиться на мою задницу.

– В яблочко, моя прелесть.

Глава третья

Пар наполнил душевую кабинку, когда я встала под струи воды. У Уэса был распылитель, который располагался наверху и посылал вниз теплую воду приятными струйками. Были здесь и два носика с двух сторон, которые подавали воду с большим напором на спину и грудь. Поскольку излюбленным хобби Уэса был серфинг, я не сомневалась, что массаж спины и груди бывал ему необходим после долгого поединка с холодным Тихим океаном.

Уэс вошел в ванную, сбросил пижамные штаны и открыл стеклянную дверь. Я позволила себе блуждать бесстыдным взглядом по его обнаженному телу. Он снял повязку с шеи – по всей задней поверхности, начиная от самой яремной вены, шел шов с множеством крохотных стежков.

Я подошла так близко, как могла, и его эрегированный член уткнулся мне в живот, пока я пыталась рассмотреть поближе его огнестрельную рану. Я осторожно провела рукой по его шее. Все его тело напряглось, но он позволил мне исследовать рану, свободную от повязки.

– Как ты выжил? – спросила я, понимая, что большинство людей, раненных в шею, истекают кровью.

– Джина, – сказал он, как будто это и было ответом на вопрос.

Я нахмурилась, вдруг сообразив, что ведь даже не спросила, жива ли она.

– Это она сделала?

Он коротко кивнул. Его тело как будто окаменело от одного этого вопроса.

– Технически да.

Больше он ничего не сказал, а я не стала требовать уточнений. Уэс был дома, и он расскажет мне больше тогда, когда будет к этому готов. Я не очень-то разбиралась в таких вещах, но все-таки понимала, что заставлять человека переживать все заново тоже чревато последствиями. Я не хотела давить на Уэса. Наоборот – я хотела окутать его любовью и заботой. Как сделал он, когда я переживала то, что случилось с Аароном. А информацию я получу потом.

– Все хорошо, малыш.

Он плотнул и положил руки на мою талию, прижимая меня к своей гладкой, безволосой груди.

– Когда они выстрелили – она действовала очень быстро. Перевязала рану и затянула достаточно крепко, чтобы я не потерял слишком много крови, пока до меня не добралась «скорая». Я был первым.

Я провела пальцем вдоль раны.

– Болит?

– Да. При каждом движении или глотке, – признался он.

Стремясь отвлечь его от боли и вернуть в наш праздник, я подалась вперед и стала целовать шов, двигаясь к передней части его шеи.

– Что мне сделать, чтобы тебе стало легче?

Уэс ухмыльнулся, глаза его блеснули вожделением. Он облизнул губы, и я жадно взглянула на них, но сейчас другая часть его тела требовала моего самого пристального внимания.

Покрывая поцелуями его грудь, я вела языком к пупку, прежде чем опуститься на колени на холодную мокрую плитку. Уэс взял полотенце, которое я повесила в кабинке, и бросил его на пол. Вода попала на бежевую ткань, которая сразу потемнела. Я сдвинула брови, а он кивнул на мои ноги.

– Это для твоих коленей. Не хочу, чтобы тебе было больно.

Я улыбнулась, постелила полотенце под колени и обхватила его бедра. Подавшись вперед, я двинулась ртом вниз по его животу. Он уперся руками в плитку и стекло с обеих сто-

рон. Я нетерпеливо обхватила рукой корень его члена и сильно сжала. Напряженный член покачивался у самого моего лица, касаясь головкой моей нижней губы. Не отрывая взгляда от его глаз, я тронула языком крошечную щелочку на головке.

– Мать твою! – Он закрыл глаза и застонал.

– Открой глаза, Уэс. – Слова выходили из меня с трудом и причиняли боль.

Одной рукой он зарылся в мои волосы и захватил прядь на затылке.

– Миа, любимая, вот он я, здесь, жду, когда моя женщина обхватит этими розовыми губами мой член и заставит меня забыть обо всем, кроме сладкого блаженства своего ротика.

Когда Уэс говорил непристойности во время секса и использовал такой командный тон, я теряла рассудок. Электрические искры пробежали по всему моему телу, от кончиков пальцев к самому клитору, который сразу заныл и набух. Прежде чем он успел сказать еще хоть слово, я сунула его толстый член в глотку как можно глубже одним движением.

– Милая, черт возьми. Как же хорошо, проклятье! – стонал он, пока я орудовала языком у себя за щекой. Я любила звуки, которые он издавал во время секса. Они заставляли меня чувствовать себя королевой, способной уносить моего мужчину на вершину блаженства снова и снова. Двигая язычком вперед-назад и в разные стороны, я играла с ним. С его губ слетали обрывки ругательств и какие-то неразборчивые слова, пока я доставляла ему удовольствие. Взяв в руку его мошонку, я перекачивала и сжимала его тяжелые яички, стараясь как можно глубже заглотнуть член. Он продолжал держать меня за волосы, и это было для меня новым ощущением. Раньше он так не делал. Он как будто боялся, что я перестану сосать. Или он хотел иметь контроль. Он давил мне на шею сзади, быстро и мелко толкая член мне в рот.

Когда я посмотрела на него снизу вверх, мне не понравилось то, что я увидела. Глаза его были открыты, но он не был сейчас со мной. Он устремил пустой взгляд в стену. Я чуть отстранилась, и он сильнее вцепился мне в волосы, стараясь вернуть меня на свой член. Я не была уверена, что он сейчас мысленно не улетел очень далеко от Малибу с его холмами и от этого душа со мной. Тряхнув головой, я резко откинулась назад, выпуская его член из рта и позволив ему с силой хлопнуться о живот Уэса.

– Малыш, вернись ко мне, – сказала я, стараясь перекричать шум воды, льющейся на нас. Он не отвечал. – Уэс! – позвала я громче.

Он вздрогнул и покачал головой.

– В чем дело?

Он несколько раз моргнул и осторожно коснулся моего лица, очень нежно, подушечками пальцев. Это было уже лучше. Больше похоже на того мужчину, которому я решила отдать свою жизнь.

– Я хочу, чтобы ты смотрел, как я люблю тебя.

Он улыбнулся, и это было лучшее, что я когда-либо видела. В этой улыбке были наши долгие прогулки по пляжу, серфинг в океане, вкусные изысканные блюда, занятия любовью и поцелуи до опухших губ. Это был мой парень, живой и настоящий, который в этот момент был целиком со мной.

Обхватив его губами, я удвоила усилия. Я взяла его в рот целиком, не отводя взгляда от его глаз. Кончики его пальцев касались моего лица, пока он судорожно втягивал в себя воздух, задышался, содрогался, стонал и ругался.

– Боже, Миа, твоя красота буквально рвет меня на части. Без тебя я уже не целый, – говорил он, пока я насаживалась ртом на его член. Тело его сотрясла дрожь, когда я взялась за его бедра.

– Я сейчас кончу. Нагнись – и я оттрахаю тебя у стены душа, – велел он, но я не послушалась.

Вместо этого я покачала головой. Я собиралась взорвать его мир. Засосав его с силой, я слегка сомкнула зубы на самой чувствительной части его тела. Бедра его подались вперед. Одной рукой он оперся о стену, а другой взял меня за подбородок. Уэс провел большим пальцем по моим губам.

– Ты хочешь проглотить меня, детка?

Он продолжал слегка двигать бедрами, и я поддерживала его темп своими движениями. Кивнув, я впустила его член себе в горло и застонала. Я понимала, что он близок к оргазму, а вибрация и узкое кольцо моей глотки должны были усилить его ощущения.

– Черт. Черт. Черт.

Он не отрывал глаз от моего лица, пока его семя толчками выплескивалось мне в горло. Я глотала каждую порцию, наслаждаясь солоноватым вкусом. Когда ритм движений его бедер замедлился, я тоже замедлилась, позволив своему язычку пройти по всей его длине, я лизала и целовала его, пока он наконец не остановился. Подхватив меня сильными руками под мышки, он поставил меня на ноги, обнял, прижал мое обнаженное тело к себе и дал волю губам. Он не жалел времени на этот поцелуй и взял его под свой контроль.

Мы целовались под душем, пока вода не стала теплой, а его член снова не напрягся. Моя киска жадно обхватила его пальцы, когда он сунул их глубоко в меня и застонал от того, насколько легко мое тело позволило ему войти. У меня между ног все было мокрое – и не только от душа. Нет, то, что я стояла перед ним на коленях и доставляла ему удовольствие, возбудило меня невероятно сильно. Я любила делать минеты – но еще больше я любила ощущение власти над таким сильным мужчиной.

– Давай. Мне нужно уделить побольше внимания кое-каким частям твоего тела. – Он вытащил меня из-под душа и завернул в пушистое полотенце.

– Вот как?

– Да, сейчас мы отправимся в постель, где я разведу твои бедра как можно дальше и шире. Я хочу опустить лицо между этих длинных ног. Хочу смотреть, как ты извиваешься подо мной, пока я заставляю тебя кончить. Готовься, Миа, потому что одного раза будет явно недостаточно.

Его взгляд неотрывно следовал за мной, пока я сбрасывала полотенце, леглась на постель и раздвигала ноги. Глаза Уэса потемнели, они стали такими темными, что в них не осталось ни капли зелени.

Когда полотенце упало с бедер моего мужчины, я с трудом не захлебнулась слюной. Я только что высосала его всего – но уже снова хотела ощутить его вкус во рту. Может быть, сегодня вечером он проголосует за шестьдесят девять, тогда мы могли бы оба потеряться друг в друге. Одно из коленей Уэса опустилось на постель, а второе оказалось между моими раздвинутыми ногами. Пальцами он развел мои лепестки, лег и лизнул мою киску сверху донизу.

– М-м-м. Знаешь, что я собираюсь сделать с тобой сегодня, детка? – Голос его сочился желанием.

Глубоко дыша, я ждала. Его большой палец очертил круг вокруг заветного комочка нервов, и я вся подалась вперед, страстно желая большего.

– Я собираюсь играть с твоей мокрой киской, пока ты не кончишь. Затем я войду в тебя и так усну, с членом внутри тебя, так, чтобы можно было лизать твои сиськи. Тебя это устроит, милая?

– Черт, – прошептала я, у меня перед глазами возникла эта мучительно горячая картинка.

– Таков план, – сказал он и смачно шлепнул меня по ягодице, прежде чем опустить голову.

Леденящий кровь вопль пронизал умиротворение лучшего сна в моей жизни. Мы с Уэсом были на тропическом острове и только и делали, что ублажали друг друга днем и ночью. Такой сексуальный, грязный медовый месяц. Пока крики, которые издавал человек, лежащий рядом, не вырвали меня из этого счастливого рая и не бросили с небес на землю прямо в центр ада.

Тело Уэса извивалось под одеялом, голова его была откинута назад, он выгибался, упираясь ногами в матрас, и продолжал дико кричать. На коже выступил пот. Я попыталась успокоить его, но в ту же секунду, когда я положила на него руку, он затрясся.

– Не прикасайтесь ко мне, мать вашу! Отойдите от нее! – закричал он, срывая голос.

Да что это с ним?!! Я выскочила из постели, зажгла свет, но он продолжал выгибаться. Дьявольские пальцы кошмара держали его слишком крепко. Я читала когда-то, что нельзя трогать того, кто слишком крепко спит, потому что он может причинить вам вред. Не зная, что делать, я схватила стакан с водой, стоящий на моем ночном столике, быстро вознесла молитву всемогущим богам и выплеснула воду на своего мужчину. Глаза его распахнулись, и он сел в постели, приняв боевую стойку и готовый к схватке. О да, я порадовалась, что прочитала ту статью о ночных кошмарах. Я легко могла бы сейчас оказаться на полу с подбитым глазом.

– Миа! Миа! – взревел он, оглядываясь вокруг, глаза его блуждали, голос звучал отчаянно. Я приблизилась, и он смог меня увидеть. – Слава богу, с тобой все в порядке.

Он схватил меня за бедра, повалил на постель и взгромоздился на меня. Простыни и одеяла, скомканные, полетели на пол, а он неистово целовал, ласкал и кусал мою шею, плечи, спускаясь к груди. Он не стал тратить время на то, чтобы снять с меня лифчик, просто сдернул лямки и высвободил сиськи. Его рот приник к одной из них, а рука в то же время проникла мне в трусики и два пальца незамедлительно оказались у меня внутри. Это было не так просто, потому что там все опухло от недавних игрищ, но его это не остановило. Он был в плену безумия, а я была его спасением. Он рывком сорвал с меня трусики, и меньше чем через минуту после его пробуждения я уже была распята на матрасе, а его член по-хозяйски орудовал внутри меня. Он был как машина, долбил меня снова и снова абсолютно без всякой деликатности. Его единственной целью, казалось, было сейчас любой ценой сбросить с себя то, что цеплялось за зыбкие края его подсознания.

– Люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя, – бормотал он, работая членом. – Не уходи.

Я жала его крепче, его пах плотнее прижался к моему клитору, и я чувствовала, как дрожь желания охватывает меня, даже несмотря на боль. Я была рабыней тела этого мужчины, он был моим хозяином. Глаза Уэса были плотно закрыты, нижняя губа закушена, и он неистово трахал меня. Руками он крепко держал меня за бедра, наши тела бились друг о друга снова и снова. Долбя меня, он начал говорить быстро и неразборчиво, из него сыпались какие-то отдельные бессмысленные слова, я даже не могла толком их расслышать.

– Хочу тебя.

Толчок.

– Ты нужна мне.

Толчок.

– Останься.

Толчок.

– Не уходи.

Толчок.

– Люблю тебя.

Толчок.

– Моя Миа.

Толчок.

Обвив его торс руками и ногами, я приняла его так глубоко, как могла, всем своим телом пытаюсь защитить мужчину, которого любила.

Его бедра перестали двигать с такой быстротой, когда он открыл глаза.

– Миа. Ты здесь. Моя Миа, – он говорил, как будто боялся, что я исчезну, если он моргнет.

– Уэс, малыш, я здесь, рядом, – я прижалась к нему, желая, чтобы он почувствовал тепло моей кожи и силу моих рук и ног, которыми я обнимала его.

Вокруг его широко открытых глаз появились мелкие морщинки.

– Пусть это уйдет. Прогони! – В его голосе звучало отчаяние, а я не могла ничего сделать, чтобы помочь ему, не могла сделать ничего, кроме как заполнить все пространство вокруг своей любовью и светом, заполнить его тем, что было нашим.

– Возьми у меня все, что тебе нужно, – прошептала я, целуя его лоб, линию волос, все, куда я могла дотянуться, пока была в состоянии, а потом толчки его члена стали настолько сильными, что я могла уже только пытаться удержать его внутри себя.

Уэс сунул обе руки мне под спину и обхватил мои плечи. Теперь это было полное безумие. Он вертел и проворачивал меня на своем стоящем колом члене так, что у меня зубы лязгали. Я ничего не могла сделать, только принимать его и пытаться удержаться, и, черт возьми, это было грубо. Ближе к концу в его сознании случился проблиск, он просунул руку между нашими телами и ласкал мой клитор, пока я не кончила. И этот трогательный жест – эта потребность Уэса доставлять удовольствие – напомнил мне, что именно этого мужчину я люблю, что сейчас он просто потерянная душа, которая с моей помощью пытается найти выход к свету из той темноты, в которой оказался.

* * *

Следующие несколько дней прошли по тому же сценарию. Уэс занимался со мной любовью днем, когда был в большей степени собой, – и неистово трахал меня ночью, беря от моего тела то, что ему было нужно, чтобы избавиться от кошмаров и найти путь обратно к себе.

Измученная очередным родео, на четвертую ночь дома я повернулась к нему, лежа на его груди. Отчаяние и страх, которые владели им в тот момент, когда я разбудила его от кошмарного сна, сгорели в огне страсти, пока он находился глубоко внутри меня. Спустя долгое время он осыпал мое тело поцелуями, шепча слова извинения и любви. Извинения за то, что использовал меня в своих интересах, любви – потому что он знал, что я снова и снова буду делать это, пока он не освободится от того ужаса, который жил в его памяти. По его прерывистому шепоту во время этих действий я понимала, что ему пришлось пройти через ужасающие испытания. Ему нужна была помощь – больше, чем временный побег в тело женщины, которую он любил. Этого монстра, живущего в его голове и грызущего его изнутри, нужно было изгнать – так же, как я изгоняла своего после того, что случилось с Аароном.

Я решила, что настало время увидеть слона в комнате. По крайней мере – сделать хотя бы первые шаги на пути к выздоровлению.

– Малыш, тебе нужно поговорить с кем-то об этих кошмарах и о твоей реакции на них. – Я положила голову ему на грудь, целуя его под сердцем.

Он замер в моих объятиях.

– Ты сердишься за то, что я использую твое тело? Я не хотел. Черт, Миа, я не знаю... – Он резким движением запустил руку себе в волосы. – Просто ты единственное средство остановить это.

– Уэс, все в порядке. Я рада дать тебе все, что нужно для твоего исцеления. Но что именно я могу остановить?

Я задала этот вопрос впервые с тех пор, как он вернулся домой.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Воспоминания. Они приходят, когда я сплю, и я не могу их прогнать.

– Пока не дашь своему телу и разуму кое-что взамен? – улыбнулась я и шутливо подняла брови, стараясь немного разрядить напряженность этого разговора.

Он взглянул на меня смущенно.

– Ага, в определенной степени.

Уэс вздохнул и провел рукой по моей обнаженной спине вверх-вниз. После того, как он попользовался моим телом, ему нужно было единение на эмоциональном уровне. Он тратил много времени, лаская меня. Думаю, это был для него способ убедиться, что я в порядке.

– Не расскажешь мне хоть об одном из этих кошмаров? – Я задержала дыхание и попыталась показать, что я сильная. Достаточно сильная, чтобы услышать то, что он расскажет, – что бы то ни было.

Уэс покачал головой, челюсти его плотно сжались.

– Милая, тебе совсем не нужно это дерьмо.

– Я же рассказала тебе об Аароне.

Он открыл было рот, желая возразить, но я опередила его:

– Я понимаю, что это не то же самое, но для меня это было очень болезненно. Мне было плохо, и тебе от этого больно, малыш. Если мы с тобой команда, если мы партнеры во всем – мы должны делить друг с другом свою боль, должны подставлять друг другу плечо, как бы ни было тяжело. В конце концов, ноша, поделенная на двоих, становится легче. Начни с малого. Расскажи мне, что случилось, когда в тебя стреляли.

Уэс закрыл глаза и сглотнул. Он долго не открывал глаза, так что я даже подумала, что он собирается уснуть, но потом он заговорил:

– Они приковали нас к стене, связав нам руки над головой. Я никогда не чувствовал большего унижения: я был не в силах пошевелиться. Они очень долго нас пинали, бросали в нас разные предметы, плевали нам в лицо. В общем, делали самые ужасные вещи, какие только можно вообразить. В тот день я понял, что что-то изменилось. Эти люди больше не развлекались и не играли со своими игрушками – с нами. Они были встревожены и разговаривали на повышенных тонах. Как будто боялись чего-то, а может быть – знали, что что-то произойдет. А потом внезапно послышались выстрелы и гул вертолетов. Я не знал, что думать.

Он сделал глубокий вдох, и я отбросила непослушную прядь волос с его лба.

– И что же случилось потом?

Я не хотела давить, но понимала, что ему нужно выговориться.

С отчаянным выражением он открыл глаза.

– Двое из них упали на колени и стали молиться. Как любой человек, испуганный до полусмерти. Они молились. А потом, когда выстрелы стали громче и я уже слышал грохот сапог по земле и голоса, отдающие команды по-английски, один из них вскинул свое ружье и выстрелил себе в голову. Второй окинул меня совершенно безумным взглядом, выставил винтовку и начал палить во все стороны. Джина закричала, но ее руки упали вниз. Одна из пуль попала ей в ногу, зато другая угодила прямо в веревку, которой были связаны ее руки, освободив ее.

Дыхание Уэса становилось все более тяжелым, поэтому я подалась вперед, покрывая поцелуями его грудь, шею, лоб, нос.

– Все хорошо, малыш. Я здесь, с тобой. Расскажи, что было дальше.

Он обхватил ладонью мой затылок. Но не стал целовать, а просто держал вот так и смотрел мне в глаза.

– Потом этот человек бросился на меня, что-то крича. Он приставил ружье к моей голове. И тут дверь слетела с петель. Она буквально исчезла в клубе дыма. Он оглянулся на дверь – и тогда раздался выстрел, а затем я увидел, как его тело отбросило назад. Пуля вошла ему прямо между глаз.

Я обвила руками его тело, его дрожь передавалась мне, пока я впитывала каждое его слово.

– Джина подкатилась ко мне и грязной тряпкой, которая валялась между нами, перевязала мне рану на шее, в то время как в комнату ворвались американские солдаты. Они отдавали резкие команды в рации или что-то вроде того. Я не очень разбираюсь в этом. Следующее, что я помню – это как один из них тащит меня к вертолету и грузит туда. Я никогда не забуду этот шум. Он был оглушительный. Взрывы, выстрелы, крики, плач.

Он покачал головой и провел рукой по лицу.

– Миа, я пишу сценарии, в которых используются подобные спецэффекты, но в реальности все совсем иначе. Ничто не может сравниться с тем всепоглощающим страхом, который поражает каждую клеточку твоего тела, когда ты оказываешься в плену. Даже когда меня уже спасли военные, я все еще был уверен, что умру. Что никто не может выжить после того, что случилось. И Джина... Боже!

Слезы вскипели у него на глазах и потекли по щекам водопадом.

– О господи, детка, они такое с ней творили, – проговорил он сквозь рыдания. – Они наверняка сломали ей жизнь.

Слезы Уэса капали мне на кожу, когда я обнимала его. Он теперь сидел, а я расположилась у него на бедрах, обнимая его своими коленями. Он был словно укрыт со всех сторон своим собственным Миа-одеялом. Я обвивала его руками, хотя слезы его катились по моему плечу и дальше по спине. Я снова и снова повторяла ему, какой он смелый, как теперь все будет хорошо, говорила, что мы вместе преодолеем это, но он продолжал плакать. Он был готов сломаться, но я была рядом и постепенно, маленькими шажочками возвращала его к жизни.

Уэс забылся спасительным сном, крепко прижимая меня к себе, не ослабляя хватки. Я была его спасением, и к концу этого дня я не имела ничего против.

Глава четвертая

– Прекрати! – хихикнула я ему в шею, когда Уэс стал щупать меня за зад.

Его громкий низкий смех проник мне в самую душу.

Он прорычал, не выпуская из горсти Миа-бампер:

– Не могу! – Он уткнулся носом мне в шею и, играя, прижал меня к колонне. – Ты выглядишь так аппетитно в этой юбке. Черт. Надо было устраивать тебе побольше деловых встреч во время нашего месяца. Этот образ дерзкой библиотечарши тебе очень идет.

Он уперся напряженным членом мне в зад.

Я надела сегодня простую черную юбку-карандаш и голубую шелковую блузку. Джуди утверждала, что это выглядит профессионально и хорошо подходит для сотрудников, работающих на студии доктора Хоффмана в «Сенчури Продакшенс». Единственное, о чем меня предупредили – что нельзя надевать зеленое. Вероятно, большинство экранов на студии бывают зелеными, а значит в зеленой одежде я бы сливалась с картинкой, которая бы меня окружала.

Оказалось, что шоу на самом деле не оплатило мои эскортные услуги, как я думала. Знаменитая кинокомпания не могла выписать чек компании под названием «Эксклюзивные эскорты». Милли составила отдельный официальный контракт, указав себя в качестве моего агента, на те же самые сто тысяч долларов, которые я должна была бы выплатить Блейну. Деньги теперь я собиралась выплачивать своему брату. Макс, правда, когда я предложила ему ежемесячные платежи, уставился на меня так, словно у меня было четыре глаза. Но не имеет значения, что он скажет или не скажет – деньги он получит. И конец истории.

Для работы в течение года в «Эксклюзивных эскортах» мне пришлось уволить своего прежнего агента чуть больше девяти месяцев назад. Меня не переставало удивлять, с каким поразительным чутьем Милли управляла этой новой стороной наших отношений. Мой предыдущий агент не принес мне ни доходов, ни карьерного продвижения, поэтому ни для кого из нас расставание не было особой потерей.

Взяв Уэса за руки, я позволила себе пару секунд чистого счастья, прежде чем быстро скользнула губами по его губам и отвернулась. Глаза его светились радостью, когда он обхватил меня за талию, привлек к себе и крепко прижал своими сильными руками.

– Эй, так нечестно, – проговорила я ему в грудь. – Ты гораздо сильнее меня!

Я надулась.

– Уж поверь, так и есть. И ничто не заставит меня тебя отпустить. Ты разве еще не поняла этого?

Он усмехнулся и покрыл поцелуями мою шею от ключицы и до уха.

– М-м-м, – промычал он, и этот звук, наполненный желанием, вызвал ответную дрожь страсти в моих нервных окончаниях.

– Уэс... – застонала я, откидывая голову назад, чтобы дать ему лучший доступ. Его рот всегда превращал меня в совершенную дурочку. Я просто лишалась способности думать всякий раз, когда он касался меня. – Малыш, мне надо прийти вовремя в мой первый день на новой работе.

Он нежно лизнул раковину моего ушка, пальцами наглаживая мне задницу.

– О'кей, о'кей. Я знаю, что тебе нужно идти.

Я повернулась и клюнула его в губы.

– А ты что будешь сегодня делать? – спросила я с некоторой тревогой, которую пыталась замаскировать улыбкой.

Он пожал плечами, развел руками, а потом хлопнул себя по бедрам.

– Ну, думаю, я пойду поплаваю на серфе, может, схожу в зал. – Он провел руками по груди, вверх-вниз. – Надо работать, чтобы привести себя в форму.

Положив руку ему на щеку, я отбросила упавшую ему на лицо непокорную прядь волос.

– Тебе нужно постричься, – поддразнила я, накручивая его волосы на палец.

– Значит, я пойду стричься, – послушно произнес он.

– Эй, – я обвила его торс руками и прижалась щекой к его груди, – это было просто предложение.

Положив подбородок ему на грудь, я посмотрела прямо ему в глаза. Они были ярко-зеленые, как и должны были быть, но в самой их глубине пряталась усталость. Он погладил меня по спине, провел рукой по задней поверхности моей шеи и крепко прижал меня к себе, так что наши губы мимолетно соприкоснулись.

– Не волнуйся обо мне. Лучше беспокойся о себе и докторе Любовь.

Я закатила глаза.

– Этот парень женат на супермодели!

– Ага, на супермодели. На вешалке. Уж поверь мне. – Он двинул бедрами, приподняв мои ягодицы руками, а потом взяв ладонями мои груди. – Когда он увидит эти изгибы – он вряд ли захочет довольствоваться диетическим фруктовым мороженым, когда у него есть возможность насладиться двойным сливочным пломбиром.

Я фыркнула ему в шею.

– Ты только что сравнил меня с десертом?

Он засмеялся и пробурчал:

– Ты на вкус как самый изысканный десерт. Не всем доступный, милая.

Я покачала головой и повернулась, беря сумочку.

– Будь хорошим мальчиком сегодня. Я буду скучать.

Я поцеловала его.

– Детка, я тоже буду скучать по тебе. Больше, чем ты думаешь.

Он помахал мне рукой, и я вышла из дома в ослепительное калифорнийское утро.

Лимузин уже ждал меня. Вообще я предпочитала ездить на Сьюзи – так было бы быстрее, но Уэс настоял на лимузине. И потом – я же была одета в сексуальную юбку-карандаш, а это делало невозможным поездку на мотоцикле.

Опустившись на черное мягкое кожаное сиденье лимузина, я вздохнула так тяжело, как будто задерживала дыхание несколько месяцев. Произнесенные Уэсом слова не давали мне покоя, словно запах дешевых духов, которые попадают на кожу, когда идешь по торговому центру.

«Детка, я буду скучать по тебе больше, чем ты думаешь».

Часть меня рвалась остаться дома с ним, проваляться с ним в постели целый день и всю ночь. Вот только ни одному из нас это не пошло бы на пользу и не помогло бы исцелиться. Как и Уэсу с его болью, мне тоже было с чем поработать в себе. Когда он просыпался от кошмара и находил успокоение в моем теле, а потом откатывался и засыпал – наступало мое время для тревог. Я не могла заснуть, безмолвно смотрела на него спящего как можно дольше, наслаждаясь фактом, что он дома, что он жив и здоров и что он мой. Что было не совсем правдой. Уэс был жив и здоров физически. Но его душа была похожа на швейцарский сыр.

За эту нашу совместную неделю я поняла, что ему нужна помощь и что только я могу вернуть его к жизни, давая ему то, в чем он нуждается. Этим вечером я собиралась позвать врачей. Возможно, позвонить его сестре, Джинанне, и посоветоваться с ней. Уэс вряд ли хотел бы, чтобы я разговаривала с его матерью о его кошмарах или о нежелании возвращаться к работе. Он не проявлял ровно никаких эмоций, когда разговор заходил о его когда-

то самой большой страсти в жизни – о кино и киносценариях. Клэр начала бы слишком сильно беспокоиться и включила бы режим «турбо-мамочки» как будто ему было пять лет. Но Уэсу было тридцать – и ему не нужно было такое внимание в данный момент. Что ему было действительно нужно – так это найти самого себя во всем этом, понять, что у него на самом деле есть, оплакать то, что он потерял, и отыскать способ снова начать жить свою жизнь.

Я понимала, как сложно ему изменить свое отношение к работе и смириться с потерей многих членов его команды – некоторых убили прямо у него на глазах. Даже представить невозможно, как это подействовало на его психику. Уэсу нужно было несколько месяцев на восстановление. Денег у него было больше, чем он мог потратить, поэтому о столкновении с суровой реальностью речь не шла. Возможно, творческий отпуск после пережитой им травмы был весьма уместен и полезен для его души.

* * *

Элегантно одетая блондинка лет двадцати, стуча каблучками, вела меня через коридоры «Сенчури Продакшенс».

– Вам нужно приходить каждый будний день ровно к девяти часам, – она бросила взгляд на часы и скривилась.

О’кей, значит я опоздала на несколько минут. Парень у ворот отправил меня не в ту студию, поэтому я и появилась на несколько минут позже, хотя выехала с запасом в полчаса.

– Конечно. Теперь я знаю дорогу, так что буду приходить раньше.

Женщина, которая с гордостью представилась как Шенди, ассистент доктора Хоффмана, коротко кивнула и быстро зацокала каблучками дальше. В такт этому торопливому стуку ее высоченных каблуков колотилось и мое сердце. Я несколько месяцев была выброшена из этого водоворота и уже успела забыть, что в Голливуде все носится со скоростью света. Нужно успевать поворачиваться, если хочешь удержаться на ногах.

– Грим и одежда вот тут, – Шенди показала на комнату с несколькими стульями, стоящими вдоль большого зеркала с круглыми светильниками, в свете которых особенно заметны каждая морщинка или прыщик на лице.

Я не очень-то стремилась сесть в это кресло. Пока я оглядывалась по сторонам, Шенди скользнула взглядом по моим юбке и блузке.

– Вы оделись в нужном стиле, хотя с волосами нужно немного поработать. Это же не дикарка-амазонка. Нам нужно будет собрать их назад, сделать мягкие локоны, что-то более элегантное и профессиональное. – Она тронула подбородок своим идеально наманикюренным светло-розовым ноготком указательного пальца. – Камера вас полюбит. Почти так же, как Дрю.

Она даже не старалась скрыть свое раздражение, когда повернулась и пошла дальше.

Мы подошли к двери, на которой внутри звезды было написано большими белыми буквами: «Дрю Хоффман». Шенди постучала в дверь.

– Входи, Шенди, – послышался сладкий, как мед, голос.

– Мисс Сандерс пришла. Ты говорил, что хочешь встретиться с ней перед тем, как она увидится со сценаристом.

Шенди стала внезапно совершенно другой – прямо на моих глазах она превратилась в другого человека. Она больше не хмурилась, расцвела широкой улыбкой, глаза ее не были презрительно полуприкрыты. Нет, теперь они были широко распахнуты и сияли. На щеках ее выступил легкий розовый румянец, пока она говорила с женщиной, которого я пока не могла видеть.

– Да, да, дорогуша. Веди ее сюда.

Дорогуша?

Шенди отвела руку в сторону и дала мне войти.

Мужчина, который меня приветствовал, был абсолютно такой, какого я ожидала. Он был старше меня минимум лет на пятнадцать, но это нисколько не портило его. Черные волосы посеребрила седина на висках. Серые внимательные глаза, казалось, оценивают то, что он видит перед собой. Он выглядел гораздо массивнее, чем в телевизоре, но это, возможно, казалось потому, что там он часто был одет в скрывающую фигуру униформу. А сейчас на нем была только костюмная рубашка, восхитительно узкая в области талии, и пара слаксов, обтягивающих каждый изгиб его тела, все шесть футов роста – и теперь я могла понять, почему люди сходят с ума по этому хорошему доктору. Он был горячий. Прямой и простой.

– Потрясающе. – Он протянул мне руку. Я пожала ее, а он положил поверх моей ладони свою вторую. Рукопожатие двумя руками? Разве кто-то еще так делает?!

– Вы гораздо красивее, чем на фотографиях, – польстил мне он.

Я слегка склонила голову и пристально на него посмотрела.

– Вы тоже неплохо смотрите, док, – комплимент сорвался с моего языка в весьма игривом тоне. Доктор Дрю Хоффман был обжигающе горяч. Хотелось ли мне оседлать его и скакать на нем до утра? Нет, разве что самую малость, но тот факт, что мое сердце и вся сексуальность принадлежали Уэсу, не означал, что я была мертва или невосприимчива к привлекательности чертовски обаятельных мужских особей.

Он покачал головой и поцеловал мне руку:

– Рад знакомству, мисс Сандерс. Не терпится посмотреть на вас в деле. СМИ вас очень любят, особенно после того зажигательного латинского видео. Вы настоящая знаменитость.

Я фыркнула совсем неподходящим для истинной леди образом.

– Хм, я думаю, вы что-то перепутали. Я вовсе не популярна. Я просто встречалась с некоторыми популярными мужчинами и снималась для видео, но ничего больше.

Он прищелкнул языком и отпустил мою руку, что было очень кстати, ведь мне уже становилось неловко, что он держит ее так долго. Подойдя к столу, он сдвинул в сторону несколько грязных кружек и обрывки газет.

– Тогда что вы скажете об этом?

Я тоже приблизилась к столу и уставилась на его поверхность. Я была совершенно не готова к тому, что увидела. Дюжина журналов с моим изображением на обложке. С Тони, с Мейсоном, моя рекламная черно-белая кампания с моделью Мишель на Гавайях. Здесь были даже снимки меня и Алека, даже я на показе «Любовь на холсте» в Сиэтле. Все это выглядело так, словно фотограф проявил самое пристальное внимание к каждому, самому мимолетному движению и прикосновению Алека ко мне. Здесь был даже материал с фотографиями, в котором предполагалось, что я являюсь новой пассией Антона Сантьяго, но изменяю ему со своим новым любовником, Уэстоном Ченнингом.

Полная разочарования, я оттолкнула от себя журналы.

– Не знаю, что и сказать.

Дрю уселся на диван, широко раскинув руки – судя по всему, его обычная поза. Этот мужчина явно чувствовал себя хозяином положения, королем в собственном замке и не пытался пускать пыль в глаза.

– А и не надо ничего говорить. Вы следующая мегазвезда – и я собираюсь на этом зарабатывать.

Я пожала плечами и села напротив него, пока Шенди готовила нам напитки на столике около двери. Она поставила передо мной чашку кофе, хотя я ее и не просила, и я была ей за это очень признательна. Ничто не раздражало меня сильнее, чем когда люди считали, что

знают обо мне то, чего на самом деле нет. С другой стороны – многое из этого было правдой, так что теперь нужно было просто повернуть разговор в правильное русло.

– Спасибо, Шенди. Можешь идти, – Дрю отпустил не сводящую с него глаз ассистентку движением руки. Отхлебнув кофе, он обратился ко мне: – Итак, о чем вы собираетесь говорить в вашей первой передаче в пятницу?

Я сузила глаза и положила руки на колени.

– Что вы имеете в виду? У меня вообще-то нет сценария.

Он откинул голову назад, подняв брови.

– То есть ваш агент вам не сказал?

Теперь была моя очередь поднимать брови:

– Хм, не сказал мне – что?

Он хмыкнул и хлопнул себя по колену:

– Дорогая, это вы должны написать сценарий вашего эпизода для «Красиво жить». Вы сами. Обо всем, что считаете красивым. Основываясь на вашей работе в кампании «Красота является нам во всех размерах» и «Любви на холсте», а также на ваших видео, мы решили доверить вам эту рубрику, чтобы вы говорили обо всем, что хотите, – и мы уверены, что это найдет отклик у нашей аудитории.

– Вы шутите?

Он покачал головой.

– Не бойтесь, дорогуша. Похоже, вам стоит переговорить с агентом и приступить к работе. Я хочу, чтобы вы прислали мне сценарий вашего пятнадцатиминутного сюжета к среде. И тогда в пятницу мы сможем встретиться, все обсудить и записать – а я посмотрю, как вы работаете с публикой в студии.

Значит, я должна была придумать пятнадцатиминутную передачу, связанную с «Красиво жить», из ничего. Да на что, черт возьми, Милли меня подписала? Я думала, что я буду играть, играть роль! Но нет, я сама и была роль. Это была настоящая жизнь. Я почувствовала, как меня охватывают волнение и страх. Смогу ли я? Удастся ли мне заинтересовать миллионы людей настолько, чтобы они захотели смотреть на меня каждую неделю в шоу доктора Дрю Хоффмана? Попробовать стоило. Может быть, Уэс согласился бы мне помочь? Это могло бы вернуть ему былую страсть к работе.

Меня вдруг охватило нетерпение – захотелось начать немедленно, вместе со своим мужчиной фонтанировать идеями, придумать что-то такое, что поразило бы продюсеров и самого Дрю Хоффмана.

– Так с чего мне начать? – спросила я этого сексуального дерзкого доктора.

– Приступайте к работе. Увидимся в среду на нашей летучке. Не подведите меня. Я лично за вас просил. И ожидаю ошеломительного эффекта для своих зрителей.

Я встала и поплелась к двери. Повернувшись, перекинула волосы через плечо:

– Я собираюсь здесь все взбаламутить. Вы ни за что на свете не захотите, чтобы я ушла.

Он хмыкнул.

– Докажите это, дорогуша.

Не оглядываясь, я покинула его кабинет. Доктор Хоффман был весьма уверен в себе, он смотрел на меня как на кусок мяса, но я не была уверена, что он на самом деле испытывал именно эти чувства. Возможно, он был хорошим парнем, натянувшим на себя эту напыщенную маску сексуального эгоистичного гиганта. Мои увлажняющие вагину рецепторы молчали, а после печального опыта с Аароном я всегда находилась в состоянии повышенной боевой готовности.

* * *

В машине, по дороге домой, я вынула телефон и позвонила Милли.

– «Эксклюзивные эскорты», Стефани у телефона.

– Привет, Стефани, это Миа. Можешь соединить меня с тетушкой?

– О, привет, девочка! Я так рада тебя слышать. Миссис Милан говорит, что ты ушла из эскорта. Все в порядке?

Было просто невозможно не засмеяться. Я действительно ушла из этого бизнеса. И у меня все было в полном порядке. Я не хотела заниматься этим с самого начала, а теперь, когда я выплатила долг, можно было двигаться в более интересных направлениях. Когда Макс заплатил Блейну, Милли освободила меня от контрактов на ноябрь и декабрь. И теперь я должна была делать четыре сюжета в шоу доктора Хоффмана, а если потом они продлят со мной контракт – то, возможно, и больше. Вероятно, теперь все зависело от того, понравится ли мне эта работа и понравится ли им то, что я положу им на стол.

– У меня все хорошо. Я же занималась этой работой только для того, чтобы выплатить семейный долг. А теперь все улажено, я двигаюсь дальше и вернулась домой, в Малибу. Так что там, с тетей моей можно связаться? – вернулась я к причине своего звонка.

– О, разумеется. Береги себя, Миа. И не пропадай, – сказала она и переключила линию. Раздалось несколько гудков.

– Привет, куколка. Как тебя встретила страна силикона, пластических хирургов и старлеток?

– Примерно так, как ты ожидала. Только, дорогая тетя, ты ни о чем не забыла меня предупредить, что касается выпусков «Красиво жить»? – спросила я, пожалуй, с большим нажимом, чем требовалось.

В трубке послышался стук клавиш.

– Не знаю. Эти люди прислали контракт, я его просмотрела, юристы его просмотрели, и все было в полном порядке. Не ходи вокруг да около. В чем проблема?

Голос у нее был предельной, и мне это понравилось. Это значило, что она воспринимает роль моего агента очень серьезно.

– Милли, ты же не могла действительно иметь в виду, что я буду сама писать сценарии.

Она продолжала работать во время нашего разговора. Я прямо видела, как она читает почту, стучит по клавишам, соединяя одиноких мужчин с очень горячими и дикими женщинами.

– Не вижу никаких проблем. Не тупи, дорогая моя. Иди к цели.

Я вздохнула.

– Милли, я должна писать сценарии. Из ничего, каждую неделю.

– И что в этом такого? Ты умная, красивая и креативная. Так что для тебя это не составит никакого труда.

Застонав, я начала крутить прядь волос и уставилась на машины, которые вместе с нами пытались ехать по забитому даунтауну. Автомобили стояли в шесть рядов с каждой стороны бампер к бамперу.

Я облизнула губы.

– Ну, все-таки лучше понимать, что тебя ожидает.

– Милая, я высылала тебе копию контракта. Там в деталях расписана твоя роль. Ты его подписала. И не моя вина, что ты его не читала. На будущее: советую тебе никогда, повторяю – никогда! – не подписывать контракт, который ты не изучила от корки до корки.

Этот комментарий задел мои и без того натянутые нервы.

– Ты мой агент. Ты должна была меня предупредить.

– Ты считаешь меня виноватой в том, что оказалась не готова? Куколка, прости. Как бы то ни было, я возьму на себя ответственность за твою неготовность, но только потому, что должна была понимать, в каком ты находилась эмоциональном состоянии. Хотя я никогда не подписала бы этот контракт, если бы не была уверена, что это правильное для тебя направление. Актрисой ты была не самой лучшей, давай смотреть правде в глаза. Ты не слишком хорошо умеешь взаимодействовать с другими. И принятие решений – это тоже не твоя сильная сторона. Ну, значит, надо переложить их на плечи других – например, доктора Хоффмана, который определит тебе круг твоих обязанностей. И ты их исполнишь.

Она помолчала, как будто подбирала слова, прежде чем продолжить.

– Ты получишь двадцать пять тысяч за выпуск, милая. Это гораздо больше, чем если бы ты снялась в десяти рекламных роликах про тампоны или тесты на беременность. Это хорошее продвижение для твоей карьеры. Так что бери быка за рога и делай что надо. Это твой шанс.

Милли была права. Это действительно был мой шанс. Настало время доказать, что я могу больше, чем просто быть моделью, которая притворяется кем-то, кем не является на самом деле, или просто быть с кем-то. Не то чтобы я возражала. Быть с Уэсом было важнее всего для меня, но это было личное, потаенное, только между нами. А эта работа была исключительно для меня. Пришло время Миа Сандерс надрать всем задницу и прогреметь. Такой шанс выпадает один раз в жизни – и я ни за что не могла позволить ему ускользнуть от меня.

– Знаешь, тетя, ты права.

Она засмеялась.

– Конечно, я права, милая. Я всегда права. Берись-ка за работу. Сегодня пятница, а значит у тебя всего пара дней на то, чтобы выработать концепцию. Не могу уже дожидаться, когда увижу тебя по ТВ. Буду записывать каждый выпуск на диск.

Было так приятно слышать, что тетя – единственная по-настоящему близкая мне родственница по матери – беспокоится обо мне и моем будущем и желает мне успеха. Моя тетя Милли Колгров, конечно, могла быть жесткой бизнесвумен, которая всегда действует в рамках закона, но не упускает собственной выгоды, – но в то же время у нее оставалось доброе сердце, и в этом сердце было место для меня.

– Спасибо, что ты веришь в меня, – с трудом прошептала я. Мне было нелегко выдавить из себя эти слова.

Она хмыкнула.

– О, куколка. Я действительно очень горжусь тобой. Выше голову. Все будет так, как должно быть.

Мне хотелось верить, что она права.

Все будет так, как должно быть. Эта фраза вертелась у меня в голове всю дорогу до дома. Войдя в дом, я уже готовилась рассказать Уэсу обо всем, что случилось, и выслушать его мнение о моих перспективах в «Красиво жить», как вдруг представшая перед моими глазами картина заставила мое сердце разбиться на миллион мелких осколков.

Я слишком хорошо ее знала. Она обвилась вокруг него, впившись пальцами в его плечи. Лицо ее было повернуто в мою сторону, глаза прикрыты, а Уэс был ко мне спиной. Я замерла, как вкопанная, сердце мое громко стучало в тишине, отдаваясь громом у меня в ушах, а она подняла голову. Слезы катились по ее щекам ручьем.

Это была она. Женщина, которую я никогда больше не хотела видеть. Джина де Лука сидела на моем диване, в моем новом доме, в объятиях моего мужчины.

Да твою же мать.

Глава пятая

Не зная, что делать, я кашлянула. Громко. Достаточно громко, чтобы эта обнимающаяся на диване парочка оглянулась в мою сторону. Уэс увидел мое лицо и вскочил на ноги, словно его подбросило. Он сбросил с себя руки Джины и встал, загораживая ее своим телом.

– О, Миа, хм... я не думал, что ты так рано вернешься, – сказал он, запуская руку в свои непокорные волосы, что не помогло ему скрыть смущение от того, что я застала его в таком виде.

Неправильный ответ, дружок.

– Это я вижу. Может быть, оставить вас одних? – проговорила я сквозь сжатые зубы.

Глаза Уэса расширились, он взглянул на Джину, потом на меня.

– О, боже, нет! – Он вскинул руки вверх. – Милая, это не то, что ты думаешь!

Я закусила губы и склонила голову набок.

– Нет? Потому что выглядит так, будто мужчина, которого я люблю, развлекается со своей бывшей, пока я на работе.

Уэс затряс головой и отступил от Джины на шаг.

– Детка, нет, ничего подобного. Да нет же. Совсем не то.

Он двинулся ко мне, распахнув объятия. Я подалась назад и вставила вперед ногу, не давая ему себя обнять. Руки его бессильно опустились.

Я покачала головой.

– Лучше тебе объяснить, что происходит, пока я не изошла дерьмом, – предупредила я, скрещивая руки на груди и пытаясь изо всех сил сдержать рвущиеся наружу горячие слезы, вскипающие на глазах.

– Миа, мы с Уэсом не делали ничего такого, клянусь тебе, – раздался надтреснутый голос из-за спины Уэса.

Джина лежала на кушетке, поэтому ее не было видно. Одна нога у нее была полностью в гипсе, около дивана стояли костыли. Когда она поднялась, я заметила, что ее тело лишилось былой аппетитности. Теперь она была болезненно худой и бледной. От прежней Джины де Лука ничего не осталось: ее некогда роскошные каштановые волосы стали блеклыми, локоны больше не сияли и не вились, как живая реклама шампуня «Пантин». Это была совсем не та женщина, с которой я познакомилась в январе. Осталась лишь пустая оболочка, лишь тень от ее потрясающей красоты.

Я моргнула несколько раз, не зная, что ответить, и тут Уэс все-таки извернулся и обнял меня за плечи.

– Миа, поверь, Джина просто пришла в гости. Это часть ее... хм...

Он запнулся.

– Моего лечения, – закончила она. – Я удивлена, что ты не рассказал ей, Уэстон.

Глаза у нее были печальные, безжизненные, почти пустые.

Почему-то мне было приятно, что она называет его полным именем, а не тем уменьшительным, которое использовала я. Это как бы создавало дистанцию между ними – как раз то, что мне было очень нужно в данный момент.

– Это же не моя история, – мрачно возразил Уэс.

Джина отбросила волосы, упавшие ей на глаза, назад, и посмотрела на меня.

– Мой психиатр считает, что мне нужно видаться с выжившими. С теми, что прошел через то же, что и я. Чтобы я могла поверить снова, что жива. И попытаться снова начать жить. Поэтому я здесь, Миа. – Голос у нее дрогнул. – Уэс просто меня успокаивает. Мы с ним пережили многое и... хм... рядом с ним я чувствую себя спокойнее, – призналась она, и по

щекам ее снова потекли слезы. – Я больше нигде не чувствую себя в безопасности. Никакая охрана и замки на дверях не помогают. – Она потерла руками плечи. – Я все время боюсь.

Ее голос так дрожал, что мне захотелось подойти и обнять ее. Это искреннее признание пронзило меня до глубины души.

– Прости. Мне не стоило так реагировать. Вам, ребята, сильно досталось. Продолжайте свой разговор. Я не сержусь и не обижаюсь. Пожалуйста... – Я махнула Уэсу, чтобы он сел обратно на диван рядом с этой плачущей женщиной. – Сколько вам надо. Мой зеленоглазый монстр на секунду высунул голову, но я верю Уэсу и верю в нашу любовь. Он бы никогда не изменил мне.

– Нет, не изменил бы, – подтвердил Уэс, и в глазах его мелькнуло выражение, которое я не поняла. Единственное, что я понимала – это было правдой. Я подалась вперед, мимо-летно коснулась его губ, давая ему физическое подтверждение того, что между нами все в порядке. – Мне надо принять душ и встретиться с Мэдди и Джинель.

– О'кей. Я освобожусь к обеду, – пообещал он.

Уже идя к дверям, я остановилась и резко обернулась.

– Джина, я рада, что ты осталась жива. Уэсу ты не безразлична, и я знаю, что вам пришлось вместе пройти через многое, поэтому приходи сюда когда захочешь. Я хочу, чтобы вам обоим было хорошо. Никто не заслуживает того, чтобы все время бояться. – Я шаркнула ногой и пожала плечами: – Это я таким образом пытаюсь сказать, что надеюсь вскоре снова тебя увидеть.

Мне понадобились все силы, вся моя взрослость и мудрость для того, чтобы это сказать, особенно потому, что до того, как мир раскололся на до и после, я совершенно точно меньше всего на свете хотела видеть Джину рядом с Уэсом или вообще в нашей жизни. Но теперь мне надо было быть более великодушной. Они вместе пережили нечто ужасное, ломающее жизнь, и была надежда, что, помогая ей, он сможет помочь самому себе. Я буду улыбаться и выдержу все, если это поможет хоть на шаг приблизить Уэса к победе над живущими в его душе демонами. Я задавлю своего зеленоглазого монстра ревности, усмирю его ради психического и душевного здоровья Уэса.

– Спасибо, Миа. Ты добрая душа, – ответила Джина слабым и надломленным голосом. Я улыбнулась и кивнула, не зная, что еще сделать.

– Милая? – произнес Уэс.

– Да, малыш? – Я положила руку на дверь, ведущую в нашу спальню.

– С каждым днем я люблю тебя все больше.

Он произнес эти слова вслух, но я их не просто услышала. Каждое из них проникло в самую мою душу, обожгло ее и осталось там навсегда.

* * *

Растянувшись на королевской двуспальной кровати, я позвонила Джинель.

– Привет, страшилище, – ответила она, но это прозвучало не так жизнерадостно и естественно, как обычно.

Последний раз я разговаривала с моей лучшей подругой месяц назад. Ее похитили и избили Блейн и его прихвостни, и это стало для нее куда более серьезным испытанием, чем мне казалось поначалу, особенно потому, что она прятала свою боль под бравадой и юмором.

– Что подделываешь? – спросила я, надеясь на обычный разговор. Мне хотелось снова услышать свою легкомысленную, острую на язык, беззаботную девочку. Ту, которая не задумываясь называла меня самыми жуткими прозвищами, и я их прощала, понимая, что это все любя. Это был странный способ показать свою привязанность, но между нами так было принято – и я хотела этого снова.

Джин вдохнула, выдохнула и снова вдохнула. О нет. Нет, нет, нет. Я знала этот звук, я много лет слышала его по телефону.

– Ты куришь! – завопила я, садясь на кровати. – Поверить не могу! Какого черта, Джин! Ты же почти восемь месяцев прожила без единой затяжки – и теперь все псу под хвост? Серьезно? – Мне было больно за нее, я же понимала, что эти восемь месяцев без курения дались ей нелегко.

– Да расслабься ты, сучка, – ответила она. – Это ненастоящая сигарета. Электронная. Просто ментоловая дрянь, которая пускает дым и имитирует вкус ментоловых сигарет, которые я так любила.

Я испустила разочарованный вздох.

– Но зачем ты вообще опять куришь? Разве это не то, от чего ты пыталась избавиться? Получается, ты не достигла своей цели?

– Слушай, Миа. Мне тут было по-настоящему хреново, понимаешь? И мне захотелось проклятую сигаретку. А я вместо этого пошла и купила эту фальшивку, чтобы справиться. Ты ведь не здесь. И не знаешь, каково это – остаться со всем этим дерьмом один на один.

Разговор принимал совсем другой оборот. В голосе Джинель, когда она продолжила, звучало раздражение и отчаяние.

– Я ненавижу свою работу. Ненавижу свою квартиру. Я ненавижу чертов Вегас. Мне все напоминает о нем. Я оборачиваюсь и жду, что он у меня за спиной. – Рыдание вырвалось из ее груди. Звук, который я крайне редко слышала от своей стойкой, мужественной подруги. – Даже когда я просто иду к своей машине... я боюсь, что меня снова схватят. Мне пришлось просить моего менеджера, подонка из подонков, провожать меня, потому что я все время боюсь, что ворвется насильник. Ты вообще представляешь себе, каково это?

В ее вопросе слышалось настоящее страдание.

Нет, я не представляла. И если бы могла – поменялась бы с ней местами без раздумий. Единственное, что было хорошо – она наконец-то дала выход этим эмоциям. Вина, злость и печаль наполняли меня, в них тонули все остальные чувства. Мне так хотелось обнять ее, сказать ей, что все будет хорошо, но меня мучили те же страхи, что и ее. То, что она была в Вегасе одна, не могло помочь нам обеим решить наши проблемы. Но были и хорошие новости. Я рассказала Уэсу про свои приключения. Он поверить не мог, что все это произошло, пока мы были врозь. И тогда я сделала то, что клялась себе никогда не делать. Я попросила своего бойфренда об одолжении. О протекции. То, чего я поклялась никогда не делать со своими клиентами. Я уже обращалась к Уоррену – но это совсем другое. Он был моим должником, и его долг был... огромным. И он заплатил. Его долг мне был погашен, когда он предоставил мне информацию, которую больше никто не мог предоставить, – о том, где находится Уэс.

Думая о том, как жить дальше, я спросила Уэса, не знает ли он какого-нибудь шоу в Лос-Анджелесе, где нужна была бы танцовщица или кто-то с уникальным танцевальным талантом Джинель. Он сделал несколько звонков и запустил пару стрел. И вот через две недели, при желании, Джин могла вывести свою карьеру на новый уровень.

– Эй, детка, успокойся. И выслушай меня.

Несколько приглушенных звуков, пара ударов, как мне показалось, о матрас, и затем последовал глубокий вздох.

– О'кей, я сижу на постели. Давай вываливай, что там у тебя.

– У меня есть для тебя предложение.

Она хмыкнула, и этот звук был самым прекрасным для меня, равно как сочный итальянский акцент, который сейчас звучал у меня в ушах.

– Ты собираешься свести меня с тетушкой Милли?

Она то ли засмеялась, то ли фыркнула. Это была у нас расхожая шутка.

Сколько бы Джин ни говорила, что хочет попасть в эскорт, она была не из тех женщин, которые могут стоять себе спокойненько под руку с богатым бизнесменом и просто красиво выглядеть. Мне везло с теми мужчинами, с которыми я образовывала пару, но мои условия были исключительными. И для других девушек такие условия были недоступны. Милли всегда сразу расставляла все точки над *i*. Вполне стандартным вариантом было получить в клиенты старого ублюдка, который хочет потискать, полапать, а в конце концов отыметь тебя. И что бы Джин о себе ни говорила – она не была создана для такой жизни, даже за большие деньги.

– Нет, не собираюсь. Это не имеет ничего общего с эскортом. – Я сделала глубокий вздох, набираясь храбрости. – Что ты скажешь о том, чтобы переехать в Малибу? Остановишься пока у нас с Уэсом, пока не встанешь на ноги... – начала я, но она сразу перебила меня:

– Я очень тронута, Миа, но это не решает проблем с работой. Я не собираюсь никуда переезжать, имея в планах когда-нибудь найти работу. На это могут уйти месяцы, а вы, ребята, только что заново обрели друг друга. У него в башке достаточно тараканов и тараканьего дерьма, с которыми надо что-то делать, и у меня тоже. И ты действительно хочешь повесить на себя еще один клинический случай?

– Ага, ага, именно. И ты не дала мне договорить. Один из друзей Уэса руководит здесь маленьким театром. Очень горячие танцы, и они как раз ищут хореографа. А кто лучше, чем настоящая танцовщица из Лас-Вегаса, может научить девчонок трясти силиконовыми сиськами и накачанными задницами и выпячивать надутые губки за доллары в бурлеск-шоу? Это будет эпично!

И забавно, подумала я про себя.

Джинель молчала довольно долго. В ожидании ее ответа я чувствовала, как по спине у меня бегут мурашки.

Наконец она заговорила, голос ее звучал тихо:

– То есть... ты предлагаешь мне работу хореографа? В театре Лос-Анджелеса? О боже. – Она словно куталась в свои слова, как в теплое одеяло в холодный день.

– Джин, я не знаю, во что все это выльется, но это в любом случае лучше, чем то, чем ты занимаешься сейчас. И тебе не надо будет платить за аренду. Ты можешь жить в маленьком гостевом домике, который стоит у нас рядом с домом. Жить столько, сколько захочешь. Блин, да живи там все время.

– Вы с Уэсом находите для меня работу мечты, предлагаете мне бесплатное жилье и пансион и шанс продвинуться в карьере – и все это в Солнечном штате, где живет моя уродская лучшая подруга?

Я задумалась о том, что она сказала. Может быть, именно этого мне и не хватало. Еще одна оливковая ветвь, которую я могу держать в руке. Бонус, который может заставить ее принять правильное решение и переехать.

– Хм, ага, вроде того.

– Ты по-прежнему ржешь, когда трахаешься?

Задохнувшись, я стукнула себя по лбу.

– Нет, в последнее время не замечала.

Я с трудом сдержала смех.

– Тогда стели мою постель, мексиканская сучка! Твоя Самая Лучшая Подруга переезжает в страну фруктов и орехов! Твою мамашу! Я буду хореографом в бурлеск-шоу в Лос-Анджелесе! О мой бог, что же мне надеть?

Она была в восторге, который граничил с безумием или глубоким опьянением. Это была та Джинель, которую я понимала, любила и обожала больше всего. Ее счастье было

невероятно огромным и переливалось через телефонную трубку, смывая на своем пути все мои тревоги и печали и затапливая все вокруг искренней благодарностью.

– Правда? – спросила я, чтобы удостовериться, что поняла ее правильно.

– Черт, да! Я на хрен прямо сегодня соберу вещи! Мне столько надо всего сделать. Надо уволиться, собраться, послать на хрен свою жизнь здесь и двигать в Кали. Ты вообще понимаешь, что это значит для меня, Миа?!

Я широко улыбнулась и прижала трубку к уху крепче.

– Я начинаю думать, что понимаю! – засмеялась я, а ее радость затапливала все вокруг, заставляя приятные теплые мурашки бегать по всему моему телу, и это был знак, что я приняла правильное решение. Наконец-то.

– Это значит, что вся моя жизнь изменится к лучшему! И благодарить за это я должна тебя и твоего Кена из Малибу. Позови его к телефону! Я хочу подарить ему немного виртуальной любви, – взволнованно сказала она.

Качнув головой, я снова легла на кровать и свернулась калачиком.

– Не могу. Он сейчас разговаривает с Джиной.

В трубке повисла мертвая пауза. Я слышала только ее частое дыхание и могла представить себе, как она ходит по дому, пытаясь осознать столь серьезные перемены в своей жизни.

– Прошу прощения? Почему эта грязная сука с влагищем вместо лица в твоём доме разговаривает с твоим мужчиной, а тебя нет рядом?

– В этом предложении так много тебя.

– Ну, ладно, тогда скажи мне, где я ошиблась. Этот мужчина твой. Так?

– Да. Но я доверяю ему. – Я накрутила прядь волос на палец. – Они вместе пережили очень многое, Джин. Он только начинает оправляться от того, что произошло. И она выглядит дерьмово.

– Прекрасно! – слишком быстро отозвалась она. Моя лучшая подруга никого не щадила. Она готова была защитить меня от любого, как и я ее, и по ее мнению Джина меня обидела. На самом деле технически – нет, потому что Уэс был свободен, когда у него были с ней отношения. Да и я в то время развлекалась с Таем. Именно то, что он был с Джиной, заставило меня понять, как сильно я хочу быть единственной женщиной, с которой он занимается любовью, которую целует, с которой засыпает и просыпается рядом и все, что между этими двумя действиями.

Надо было взять под контроль ревнивую сторону Джинель. Особенно если она собиралась переехать сюда. Вполне возможно, что она и Джина могут пересечься.

– Джинель, это правда нехорошо. Если бы она исхудала так от наркотиков, или этот страх в глазах у нее появился бы только из боязни потерять прибыль, или если бы она разбила сердце очередного придурка – я бы порадовалась. Но проблема в том, что там гораздо более тяжелая травма. Я даже не уверена, что готова знать, какая именно – но чувствую, что это может помочь Уэсу. Его по ночам мучают кошмары. И если исцеление Джины может помочь ему – я буду искать в себе силы быть великодушной. Понимаешь?

Джинель тут же перестала шутить.

– Так они ее сильно изувечили? – прошептала она, как будто кто-то мог ее услышать, а она этого не хотела.

– Думаю, что... безнадежно, – ответила я честно, не зная, какое еще подобрать слово.

– Ну, все равно ты лучше меня.

Я хихикнула.

– А разве были сомнения? – Я решила сменить тональность разговора и вернуть его в привычное шутовское русло.

– Ох ты грязная шлюшка! Я тебе это спущу. Но только потому, что ты предлагаешь моей заднице работу мечты и пускаешь меня пожить в своем поместье в Малибу. Только знай – я никогда оттуда не уеду.

Я пожала плечами и улыбнулась.

– А может быть, я никогда тебя не отпущу.

На самом деле так оно и было. Мэдди была в Вегасе, как и папа. Милли и Уэс рядом со мной. Макс и его семья – в Техасе. Людей, которых я любила, размотало по свету. И если бы Джин жила здесь, рядом – мне было бы чуточку легче с этим смириться.

– Как там папа поживает?

Джинель замычала.

– Ну, его жизненные показатели снова хорошие, и врачи надеются, что он очнется. Это вопрос времени. Если верить сканированию, мозг у него функционирует нормально. Вирус и аллергическая реакция не причинили ему того вреда, которого они опасались.

Прикрыв глаза, я вознесла благодарность большому парню на небесах. Он спас моего отца – и его стоило за это поблагодарить. А теперь оставалось только ждать.

– А Мэдди?

– О, она в полном порядке. Вернулась к учебе, живет своей жизнью с Мэттом, нормальной жизнью для девушки двадцати одного года.

– Отлично, именно это я и хотела услышать.

– Знаешь, когда я говорила с ней последний раз, она сказала, что много разговаривала с Максом о «Каннинге Ойл», их исследованиях и научном отделе. Похоже, она всерьез подумывает сосредоточиться на изучении земных недр и минералогии. Говорит, что всерьез рассматривает возможность работы у них после защиты диплома. И даже Мэтт считает это хорошей идеей.

– Да, но как же его семья? Они мне показались довольно симпатичными, – заметила я.

– Да, по ходу, никаких проблем – его отец сказал, что они переедут в Техас. Он их единственный ребенок, а они уже почти пенсионеры. Макс сказал, что возьмет его отца на работу, и маму вроде тоже. Что-то там о семье, которая должна быть вместе и прочее дерьмо.

Конечно, он так и сказал. Макс же чертов святой. Он спас меня, он включил Мэдди и меня и всех вокруг нас в свой круг. Я любила своего брата, но я бы так не смогла. Возможно, именно поэтому он и был таким счастливым. Он был прекрасным примером того, что надо относиться к другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе. Он к каждому относился с уважением, любил членов своей семьи больше всего на свете и всех хотел сделать счастливыми. И в свою очередь был счастлив сам. Я задумалась: а что если необходимость переезда в Техас коснется и меня? Ведь рано или поздно мне придется об этом подумать. Этот человек любит жить так, чтобы вся семья была рядом. И я вряд ли смогу противостоять ему, если он вдруг решит, что нам с Уэсом надо переехать в Штат Одинокой Звезды. Одной говядины мне бы хватило за глаза. А еще жара, мерзкая влажность и то, что все это дерьмо делает с моими волосами... буэ. Нет, должно было бы произойти чудо, чтобы я согласилась на такое. Заполучить туда мою младшую сестренку было бы приманкой – и он знал это. Возьми младшую – и старшая последует за ней сама.

– Да уж, Макс это что-то.

Джинель мечтательно вздохнула.

– Девочка моя, он все – и пакет рифленых чипсов «Лейс» вдобавок, а ты знаешь, как сильно я их люблю. Никогда нельзя съесть только одну штучку.

– Ты что, положила глаз на моего брата? – Я притворилась возмущенной.

– А неужели солнце встает на востоке, а садится на западе? Ты вообще видела своего чертова братца? Он же бог в ковбойских сапогах и футболке «хенли»!

– О, брат, – сказала я, не желая слушать подобные вещи о нем от посторонних.

– Да черт возьми, о брат! Была бы ты мной – ты бы уже орала: «Трахни меня, Макс! Сильнее, Макс! Глубже, Макс!» – Она застонала и захрипела для пущего эффекта, изображая, как будто давится чем-то и сдерживает рвоту.

– Ты больная. – Я расхохоталась.

– Но ты любишь меня.

– Мне надо голову проветрить, – сказала я.

– Ну а пока ты будешь это делать, я буду упаковывать свое дерьмо. Увидимся через две недели. Люблю твое уродливое лицо, шалава! – заявила Джинель и повесила трубку.

Черт. Она выиграла этот раунд. Ну ничего, я выиграю следующий.

Глава шестая

Леденящий душу крик вырвал меня из блаженного сна. Уже наученная горьким опытом последних дней, я вскочила с кровати, включила свет и смотрела, как мужчина, которого я люблю, корчится, дергается и кричит, пытаюсь изгнать демонов, проникших в самую глубину его сознания. Это разбивало мне сердце. Его тело изогнулось дугой, грудная клетка, блестящая от пота, вздымалась вверх, весь его вид говорил о страдании. Напряженный член, натянувший тонкую ткань боксеров, являл собой наглядную демонстрацию его мужественности. Прежде чем разбудить его, я закрыла глаза и глубоко вздохнула, позволяя его крикам ввести меня в то состояние, которое ему требовалось. Мне нужно было стать уверенной, сильной, я должна была стать средством, которое вернет его обратно из пустыни отчаяния и будет возвращать оттуда снова и снова. Я буду такой до тех пор, пока однажды он не найдет покой. Другого выбора не было. Уэс должен был снова найти покой.

Стянув ночную рубашку через голову, я дала упасть ей легким шелковым облачком на пол. Запрятав собственные эмоции под замок, я крикнула:

– Уэс!

Я стояла перед ним обнаженная и беззащитная. Глаза его широко распахнулись. Радужка была почти совсем черная, я не видела даже проблеска зелени. Он был сейчас животным. Заблудившимся в собственном страхе. Он уставился на меня.

– Мое! – взревел он, сжав зубы, и вдруг бросился вперед. Он всосал мой сосок, как будто спасаясь от жажды, и сквозь боль я испытала острое удовольствие. Схватив меня руками за ягодицы, он мял их, упираясь в меня своим напряженным членом.

– Правильно. Все это твое и ты можешь это взять. Нужно сделать только одну вещь: скажи мне, почему ты меня любишь. – Я вцепилась ему в волосы и с силой отвела его лицо от своей груди.

Это был новый метод, который я решила испытать. У меня была теория. Заставить его вспомнить, почему я здесь. Вернуть его в настоящее, чтобы воспоминания о пережитом быстрее испарились из его памяти.

– Я люблю трахать тебя! – Он прижался ко мне и стал толкать к стене, пока моя спина не коснулась ее поверхности. Он тискал рукой одну мою грудь, а ко второй приник губами. Другой рукой он стиснул мой лобок, два пальца резко проникли внутрь меня, сразу достигнув точки, где тонкие ниточки удовольствия и возбуждения вели прямо к моему клитору. Я задохнулась и шире развела ноги, чтобы впустить его глубже.

– Скажи мне, что ты любишь во мне, и я позволю тебе войти в меня так глубоко, что не смогу дышать.

Рот Уэса с влажным хлопком выпустил мой сосок, набухший и блестящий от его слюны. Я застонала от разочарования. Его губы накрыли мои, но я отвернула лицо в сторону, избегая поцелуя, которого на самом деле хотела сейчас больше всего на свете.

– Что ты делаешь? – зарычал он сквозь зубы, вне себя от злобы, изнывая от жажды, лишь утоление которой, как я знала, давало ему спасение.

Я подняла ногу и потерлась своей мокрой щелкой о его бедро, так, чтобы он кожей почувствовал ее влагу, демонстрируя ему свое желание. Глаза его сузились.

– Ты любишь меня? – спросила я снова.

Голос у него был низкий и хриплый, каждое слово резко отдавалось эхом у меня в сердце.

– Ты. Знаешь. Что. Да. А теперь. Дай. Мне. То. Что. Мне. Нужно.

Я покачала головой и стянула с него трусы, он переступил через них, не отрывая от меня глаз. Со всей силой я оттолкнулась от пола и обвила ногами его талию. Он подхватил

меня за ягодицы и теперь держал так, будто я ничего не весила. Тяжело дыша, он прижал меня к стене, его член метался у меня между бедрами. Так близко, и все-таки пока еще так далеко. Он никогда не брал меня насильно. Даже во время его кошмаров. Что-то внутри него не давало ему перейти эту границу, и я была ему за это очень благодарна. Запустив руки ему в волосы, я крепко держалась за него.

– Дай мне то, что нужно мне, и я дам тебе твое. – Я провела языком по его шее. Соленый вкус океана и мужчины заставил мои вкусовые сосочки трепетать. Уэс застонал, прижал корень своего члена к моему клитору, стал тереться об меня, отчаянно прося того, в чем я ему отказывала. Наклонив голову, я прижалась к нему – нос к носу. Зрачки у него стали меньше, впуская зелень обратно. Улыбнувшись, я подалась вперед и почти прижалась губами к его губам, едва касаясь их и напоминая ему, где он находится. Он выдохнул, принимая этот мимолетный поцелуй.

– Скажи мне, почему ты меня любишь, – снова потребовала я.

Одна из ладоней Уэса оставила мой зад в покое: теперь он схватил меня за волосы на затылке. Большим пальцем он провел по моей щеке, нежно и ласково. Я была прижата к стене его большим телом. У меня не было ни малейшей возможности соскользнуть вниз или хотя бы на сантиметр разъединить наши тела. В этот момент мы были единым целым физически, ментально и главное – эмоционально.

– Любить тебя так же естественно, как дышать. Ты нужна мне, чтобы жить. Ты, Миа. Ты даешь мне дыхание жизни.

Мои глаза наполнились слезами, когда я прижалась лбом к его лбу.

– Входи внутрь, малыш. Возьми то, что тебе нужно.

Я дала ему сигнал, которого он так ждал.

– Я люблю тебя, – сказал он, двинув бедра вперед и входя в меня быстро и резко, сразу до самого корня. – Я чертовски люблю каждый дюйм твоего тела. Больше всего на свете, – говорил он, совершая глубокие толчки, которые заставляли меня задерживать дыхание, и голова моя билась об стену. – Я люблю быть с тобой, люблю быть внутри женщины, без которой не могу жить.

– С каждым днем я люблю тебя все больше, – повторила я его же слова, сказанные раньше.

Он провел большим пальцем по моей щеке, пока его бедра продолжали ритмично двигаться.

– Спасибо. Спасибо за то, что снова и снова возвращаешь меня. – Он молотил бедрами, загоня член все глубже и глубже, заставляя мое тело извиваться в ожидании приближающегося блаженства. Он всегда так возбуждал меня, что, клянусь, я могла видеть звезды, когда он занимался со мной любовью.

Наслаждение, боль и любовь наполняли каждую клеточку моего тела. Я сделала это. Я вернула его обратно. Я пробила стену его ночных кошмаров и превратила его животную страсть в нечто прекрасное. Стенки моего влагалища сжались вокруг него, потому что он был уже так глубоко, что я не могла удержаться от крика. Я выгнулась ему навстречу, наши грудные клетки соприкоснулись, мой пот смешался с его, наши тела сплелись, а души соединились в танце. Вспыхнула яркая молния, и океанский бриз вдруг коснулся моей кожи, влетев в открытое окно. Уэс застонал, извергаясь, нежно покусывая то место, где шея переходит в плечо. Горячая струя его спермы хлынула в меня, усиливая мой оргазм. Я кончила, обвившись вокруг него руками, ногами, не выпуская его из себя. Я не хотела отпускать его никогда.

– Спасибо, – прошептал Уэс, едва касаясь губами моего уха. – Спасибо тебе, милая.

Он прижал меня к себе, словно безумный. Он обнимал меня так крепко, что я едва могла дышать, но это не имело никакого значения. Моя любовь была его дыханием, и все, в чем я нуждалась, была его любовь.

* * *

На следующее утро, когда я проснулась, Уэса не было. Я начала привыкать просыпаться в его теплых объятиях, чувствуя его тяжесть рядом, когда его руки крепко обхватывали меня. После прошлой ночи я беспокоилась о том, что принесет нам утро. Как он отреагирует на ту ночную неприкрытую правду в свете дня? Бросив взгляд на часы, я убедилась, что еще рано, очень рано. Солнце только вставало над горизонтом. Я вышла на балкон в чем мать родила, нимало не заботясь о том, что не одета.

Одинокая фигурка вдалеке стояла на берегу, глядя, как солнце медленно начинает свое восхождение на небосклон. Я хотела разделить этот новый день с ним, хотела согреться в огне нашей любви, отметить нашу победу над темнотой, которую мы одержали сегодня ночью. Только вот он выбрал соленый океан, завораживающий своей красотой подарок Матери Природы, а не тепло моего тела и не мое присутствие рядом с ним.

С тяжелым сердцем я достала свое белое узкое бикини. Оно было создано скорее возбуждать, чем прикрывать, и его надо было отдать Джуди постирать, поэтому я отложила его в сторону. Еще раз подумав, я подхватила белую рубашку Уэса, в которой он был вчера, и надела ее, чтобы выглядеть более солидно. Если я собиралась серьезно говорить с Уэсом и выяснить, что у него на уме, мне не стоило выглядеть так, будто я хочу соблазнить его.

С трудом ступая босиком по песку, я преодолела несколько сот футов пляжа. Уэс стоял прямо у кромки воды, позволяя волнам омыwać его лодыжки и снова отползать. Ступни его погрузились в песок, что придавало ему устойчивости. На нем были свободные белые льняные брюки, которые он закатал до колен, и больше ничего. Несколько бесконечных минут я просто смотрела на него, больше захваченная его красотой, чем красотой океана. Длинные пряди его светлых волос трепетали на ветру, обнаженную грудь золотили лучи восходящего солнца. Я видела, как напряжены у него плечи, и понимала, что он далек от безмятежности.

Я медленно приблизилась, создавая достаточно шума, чтобы он услышал мои шаги по песку. Повернув голову, он увидел меня. И растерянное выражение в его глазах сразу сменилось вспыхнувшим светом радости и любви. Уэс окинул меня взглядом всю, с ног и до развевающейся на ветру копны волос, и дал мне то единственное, чего я хотела с тех пор, как он вернулся домой: широкую искреннюю улыбку во все зубы. У меня перехватило дыхание, и, не раздумывая, я побежала, разбрасывая в стороны песок, к нему. В следующую секунду я прыгнула на него, он обхватил меня руками и поймал. Мне хотелось запомнить это навсегда, навсегда сохранить в своем сердце и возвращаться к этому воспоминанию всегда, когда станет грустно, тревожно или тяжело. Мой Уэс, мужчина, в которого я влюбилась... часть его вернулась. Я приблизила губы к его губам и поцеловала его. Не ожидая ответного поцелуя, я просто целовала его. Просунула свой язык между его губ и вспахала его язык, облизывая и посасывая его. С такой силой, что он потерял равновесие и сел на песок. Я оседлала его и задвигалась между его бедер. Не сдерживая себя, я грызла его нижнюю губу, пока не услышала знакомое рычание, которое слышала всегда, когда целовала его. Он всосал мою верхнюю губу, и я охнула, хватая воздух. Мы провели так, казалось, целую вечность. Сидя на песке, целовались как подростки.

Уэс пах свежестью и морем. Его кожа на щеках была прохладной, но грудь его в том месте, которым он прижимался ко мне, была нагрета золотыми солнечными лучами. Я прижалась к нему теснее, снова сосала его язык и стонала прямо ему в рот.

Он откинулся назад, мы оба тяжело дышали.

– Боже, ты сегодня просто вся искришься. Не надо было оставлять тебя в постели одну.

Я приставила свой нос к его носу и приблизила губы вплотную к его губам, так что мое дыхание касалось их – мне хотелось быть как можно ближе к ним.

– Тогда почему же ты это сделал?

Ответ на этот вопрос был нужен, наверно, больше ему, чем мне.

Он пощекотал мои бедра, я хихикнула ему в рот.

– Ты спала так тихо и спокойно. Мне не хотелось тебя будить.

Я медленно вздохнула, стараясь немного усмирить слишком быстрое сердцебиение.

– Это единственная причина?

Он сжал ладонями обе мои щеки.

– Прошлая ночь была очень насыщенной. Возможно, мне нужно было время, чтобы кое о чем подумать.

За это признание я стала любить его еще больше, чем раньше.

Кивнув, я откинулась назад, обняв его за плечи.

– И что? Ты сделал какие-нибудь выводы? – Я закусила губу зубами.

Он поднял руку и тронул ее большим пальцем, проводя вниз и снова вверх, а потом подался вперед и засосал ее в свой рот, сопровождая это нежными прикосновениями кончика языка.

Запустив пальцы мне в волосы, он поднял мое лицо.

– Я думаю, ты – то, что мне действительно нужно.

Я хмыкнула.

– Ну, я надеюсь, что так оно и есть! – Я шутливо шлепнула его по груди.

Он покачал головой.

– Нет, милая. Прошлая ночь раскрыла мне глаза. Ты вывела меня из ада, как всегда, но в этот раз все было по-другому. Я не использовал твое тело, чтобы освободиться от кошмара или раствориться в тебе. Нет, ты вернула меня в этот мир и напомнила мне, что мне есть ради чего жить. Когда ты спросила, почему я люблю тебя, миллионы причин вспыхнули у меня в сознании, вытесняя все то зло, что было внутри меня, и заменяя его чем-то прекрасным. Чем-то настоящим, живым и искренним. Это моя любовь к тебе.

У меня на глазах выступили слезы.

– Это звучит очень здорово.

Уэс хмыкнул и лизнул мою шею, а потом потерся носом о мою кожу. Я обняла за шею его, притягивая к себе.

– Очень здорово. И потом после вчерашнего разговора с Джиной... – Он покачал головой и замолчал, почувствовав, как я напряглась.

– Скажи мне. Все в порядке. Я смогу это выдержать. Помни... я достаточно сильная, чтобы разделить эту ношу с тобой. Облегчить ее.

Он вздохнул и прижал губы к моему уху.

– Детка, они так мучили ее. Они насиловали ее без конца самыми разными способами. Они связали меня и заставляли смотреть, как ее насиловуют. Их было так много. Дьявольская очередь несущих гибель. Иногда они насиловали ее по несколько человек сразу. – Он смахнул слезы, которые капали на рубашку у меня на спине, и я обняла его крепче. – Они привязали ее к потолку, подвесили на веревках, и насиловали по двое. Она так громко кричала, что они заклеили ей рот скотчем, поэтому только слезы катились по ее грязному лицу. Кажется, она несколько раз теряла сознание от боли. И я благодарю Бога за эти несколько раз. Ведь тогда она не могла чувствовать и понимать, что они с ней делают...

Он всхлипнул и судорожно вздохнул мне в шею. Слезы и эмоции душили его и мешали словам, которые он отчаянно пытался подобрать.

– О, господи... Миа, они оставляли ее висеть там, чтобы мы видели. Кровь текла по ее ногам, спускаясь к ступням. Иногда мне хотелось, чтобы они ее убили, потому что тогда ей не пришлось бы переживать все это снова и снова. Они насиловали ее каждый день. Каждый

чертов день я видел, как часть ее умирает в руках этих безумцев. Это худшее, что я когда-либо мог себе представить. И она смогла это пережить.

Он впился пальцами мне в ребра; эти воспоминания преследовали его. Я притянула его ближе и прижала к себе как можно крепче, чтобы он почувствовал мою силу, чтобы забрать у него эту боль. По моим щекам струились слезы, которых я не замечала. Я держала Уэса, а он держал меня, и вот так мы сидели на песке вместе, освобождаясь от того опустошения, страха, страдания, которые терзали его каждую минуту с момента его возвращения.

Наконец, иссякнув в прямом смысле этого слова, я дошла до той точки, где слез уже больше не было. Уэс тяжело навалился на меня, но я даже не была уверена, что он понимает это. Дыхание его было медленным и спокойным. У меня одни пальцы онемели, а другие свела судорога, так крепко я в него вцепилась, и я была абсолютно уверена, что в тех местах, где Уэс впился в мои ребра, у меня будут синяки. Но я буду носить их с гордостью.

Расцепив руки, я провела пальцами по непослушным волосам Уэса. Через пару минут он застонал и уткнулся мне в шею. Этот звук вкупе с движением заставили моментально проснуться мое либидо.

– Как тебе кажется, ты сможешь встать? – спросила я.

Он фыркнул мне в шею.

– Я предпочел бы лежать на тебе всю оставшуюся жизнь.

Я хихикнула и поцеловала его бровь.

– Можно и так, но только не сидя на песке. Мы можем продолжить эту вечеринку в спальне?

Его желудок заурчал, давая понять, что мой план завладеть его телом откладывается.

– А как насчет того, чтобы отправиться на кухню? Я уверен, Джуди сейчас как раз готовит что-то умопомрачительно вкусное.

При мысли о фирменном домашнем завтраке Джуди мой рот наполнился слюной. Я решительно вскочила и протянула руку своему мужчине. Он посмотрел на нее, потом на меня, а потом обвил своими теплыми пальцами мою ладонь. Затем встал и заключил меня в объятия.

– Ты меня восхищаешь.

Я фыркнула.

– Чем же?

– Я рассказываю тебе самое жуткое, то, что ест меня изнутри, и ты принимаешь это с таким мужеством и отвагой. Не знаю, как ты это делаешь. – Он покачал головой и сжал мою руку.

– Легко. У меня же есть ты. А все это часть нашей жизни, думаю. И хорошее, и плохое, и даже уродливое – все это может стать чем-то прекрасным, если мы вместе. Порознь у нас нет шансов. А вместе мы сможем вынести все.

Он потянул меня за руку и пошел к нашему дому.

– Я верю, что так и есть. – Подняв мою ладонь, он поцеловал кончики пальцев. – С тобой, Миа, все становится возможным.

* * *

– Давай-ка проясним. Тебе нужно определиться с темой сюжета, написать сценарий и напечатать его к следующей пятнице? – спросил Уэс с набитым домашними бельгийскими вафлями ртом.

– М-м-м-м, Джуди, ты просто богиня. Эти вафли просто бомба! – воскликнула я, облизывая пальцы, и взглянула в улыбающееся лицо своего мужчины. – Да, все именно так. Безумие, правда?

Он запустил руку в волосы, откидывая их назад, и отхлебнул кофе.

– Безумие. Но это не невозможно. У тебя есть какие-нибудь идеи относительно того, что ты хочешь делать в первом выпуске?

Я откусила еще один кусочек божественной вафли, прожевала и проглотила, прежде чем ответить:

– Ну, поскольку у меня нет кучи времени, я думала о том, чтобы первый эпизод посвящать мамочкам, которые сидят дома с детьми.

Брови Уэса сошлись на переносице.

– Объясни.

Я села на ногу и подалась вперед, чертя пальцем узоры по скатерти.

– Точно не знаю пока. Но я думала о том, как эти матери отдают все самое лучшее своим детям, приносят в жертву свою карьеру и хобби, и все ради того, чтобы самим растить своих детей. И это само по себе прекрасно. Многие из них добровольно помогают в школах, вступают в Армию спасения, помогают «Девочкам-скаутам», участвуют в спортивных мероприятиях. Не знаю. Это же тоже очень благодарный труд. Я имею в виду – разумеется, дети их ценят, и мужья, я надеюсь, тоже, но все-таки чувствуется некое пренебрежение в этом выражении – «домохозяйка» или «сидящая дома мать», ты понимаешь? – Я отхлебнула кофе и опустила чашку. Колесики у меня в голове крутились как заведенные.

– Ты где с этим столкнулась? – Уэс окунул вафлю в сироп почти целиком. Мне захотелось сказать: «Не многовато ли сиропа для такой маленькой вафельки?», но я прикусила язык: Уэс хотел немного набрать вес и делал все, что считал нужным для этого, и если сироп должен был помочь ему в этом, я не имела ничего против.

Я пожала плечами и продолжила есть.

– Знаешь, когда я была с Максом и Синди на их ранчо, я видела, как много делает Синди. Она готовит на всех еду, она делает покупки, убирает дом, заботится об Изабелле, и все это – беременная. Да еще умудряется заниматься рукоделием. Она не сажает Изабеллу на весь день перед теликом – конечно, она позволяет ей смотреть несколько шоу и играть в некоторые видеоигры, но они проводят много времени, мастера повязки на голову и банты.

– Повязки на голову и банты? Зачем?

Я закатила глаза.

– Да ладно? Неужели ты такой мачо?

Уэс хмыкнул и ткнул себя в мускулистую грудь, а потом поднял брови:

– Ну да.

– О'кей, очко в твою пользу. – Я облизнула губы и бесстыдно уставилась жадным взглядом на моего полураздетого мужчину. Ням-ням.

– Не смотри на меня так, иначе ты не закончишь ни свой завтрак, ни свою идею. Так что давай, продолжай.

Я хихикнула и вернулась к тому, о чем говорила.

– В общем, она делает повязки на голову и галстуки и банты, такие штучки, которые девочки возраста Изабеллы очень любят надевать. Изабелла ходит в садик несколько раз в неделю, и она дает их другим родителям как маленькие подарки от Белл. Это так здорово. Она занимается рукоделием вместе с дочерью, а потом то, что они сделали, раздает другим как подарок. И когда я как-то пришла в их садик, когда надо было забрать ее дочку, – на половине девочек в группе были надеты эти неповторимые подарки от Синди.

– Это и правда здорово. Но как ты собираешься заинтересовать этим зрителей, чтобы они захотели тебя смотреть?

– Я думала, что ты мне в этом поможешь.

Он откинулся назад и уставился в окно, сжав губы.

Этот мужчина был очень красив. Я знаю, что мужчины не слишком любят это слово по отношению к себе, но Уэс был по-настоящему красив. Конечно, он был привлекательным, горячим, сексуальным до чертиков, но к тому же еще и красивым. Наверно, это любовь делала его таким. Любовь заставляет человека видеть все через розовые очки.

– А что, если снять какую-нибудь мамочку на видеокамеру?

– Как реалити-шоу?

Он кивнул, в голове у него явно заработали-закрутились колесики.

– Найти кого-то, кого ты знаешь и кто делает что-то, что ты считаешь прекрасным. Взять у нее интервью. Снять весь ее день целиком, показать, как много она делает для всех, показать всю ту красоту, которую ты в ней увидела, всему остальному миру. Людям, которые смотрят шоу доктора Хоффмана, это должно прийти по вкусу. Тем более что аудитория этого шоу на очень большой процент состоит как раз из домохозяек. Я могу поручиться, что продюсеры ухватятся за эту идею.

– А ты будешь работать над этим вместе со мной? – Я захлопала ресничками и задержала дыхание. Это был второй этап моего плана по возвращению его в колено. Да, это было не совсем то же самое, что ставить фильмы или писать сценарии, но, несомненно, из той же оперы.

Уэс улыбнулся и положил мне руку на макушку.

– Если тебе это доставит удовольствие – буду.

– Доставит. Очень большое удовольствие. Это просто офигительно! – Я вскочила и начала плясать вокруг стола.

– Ты сумасшедшая, ты знаешь об этом? – засмеялся он.

Я попрыгала еще немного, а затем шлепнулась к нему на колени.

– Ну, зато я твоя сумасшедшая.

– Да, это правда. И я никогда не допущу, чтобы было иначе.

Глава седьмая

Уэс оказался на сто процентов прав относительно шоу. Доктор Дрю Хоффман и его команда вцепились в идею руками и ногами. Они сочли ее абсолютно потрясающей. И решили начинать съемки, как только я найду нужную мамочку. Удивительно, но это оказалось самым сложным. Я не знала в Лос-Анджелесе никого, кроме Уэса, его семьи, своего старого агента и тетушки Милли. У меня не было абсолютно никакого представления о том, где я возьму домохозяйку, которая подойдет для нашей передачи. У меня не было знакомых маленьких детей, и жила я довольно далеко от Синди, моей новой невестки, которая могла бы мне помочь.

Я растерянно бродила одна и решила заглянуть в магазин, где планировала утешиться с помощью пирожного или скорее – полдюжины пирожных. И буквально врезалась в тележку какой-то женщины. Один ребенок болтался у ее груди, второй вопил в тележке. Я смущенно извинилась и пошла вслед за ней, украдкой следя за тем, что она делает. Она не была юной – скорее чуть за тридцать. Темные волосы зачесаны в хвост. На ней были штаны для йоги, пожалуй чуть узковатые для ее бедер, и пара открытых шлепанцев на ногах. Видимо, она была из тех, кто любит всякие блестяшки на обуви. Фальшивые бриллианты сверкали при каждом ее шаге, пока она шла по отделу с растениями, и ее тапки шлепали ее по пяткам.

Она внимательно оглядывала каждое растение и цветок, убирала грязь, отщипывала увядшие листочки, а потом сделала то, что меня очень удивило. Она вынула бутылку с водой из своей огромной сумки, которая больше была похожа на сумку для подгузников, и вылила содержимое в один из горшков. Затем убрала желтые листья, подошла к фонтану, наполнила бутылку водой и повторила эти действия еще несколько раз.

– Что вы делаете? – спросила я, старательно притворяясь, будто нюхаю ромашки. Они вообще-то не пахнут, но это не помешало мне использовать их как прикрытие.

– Им нужна вода, иначе они умрут. И вот этим тоже, если не убрать увядшие листья – все растение начнет гнить.

– А откуда вы это знаете? Вы садовник или что-то в этом роде?

Она покачала головой, щеки ее залились румянцем.

– Нет. Я просто... домохозяйка.

Динь-динь-динь-динь-динь! И у нас есть победитель!

Это были волшебные слова. Именно их я хотела услышать больше всего.

– А у вас, ну, есть огород или сад? – Я ожидала, что, смущенная моей фамильярностью, эта женщина насторожится, постарается отвяжаться от меня, но она не стала этого делать. Наоборот – казалось, она даже рада поболтать с кем-то о своем увлечении.

Розовый румянец снова пополз вверх по ее шее и перекинулся на щеки.

– Люди говорят, что мой сад можно сравнить с садом Марты Стюарт. – В ее голосе слышалась гордость, но не снобизм. Что уже само по себе было нелегко встретить в этом городе.

Хм-м-м-м.

– Правда? Мне бы так хотелось посмотреть.

Воспользовавшись этим шансом, следующие полчаса я провела, рассказывая этой женщине о том, чем занимаюсь. Я сказал ей, что моя телекомпания заплатит ей несколько тысяч долларов, если она позволит мне пойти за ней и снять ее. Доктор Хоффман выслал мне детальный имейл, касающийся всех нюансов бюджета моей передачи. Я думала, что могу располагать только своими деньгами, но у меня, оказывается, было еще десять тысяч долларов на одежду, приборы, декорации и все, что мне только могло понадобиться.

Самое забавное, что, когда я предложила этой мамочке деньги, она ответила мне словами, поразившими меня для глубины души:

– О, не нужно мне платить. Если это поможет другим домохозяйкам и мамам понять, как важно самим растить своих детей и быть хранительницей домашнего очага, – я буду счастлива.

Конечно, она была бы. Но я знала, что шоу доктора Хоффмана имеет успех, а побывав у нее дома, уверилась, что ей совсем не помешают лишние деньги на счету. И собиралась проконтролировать, чтобы эти деньги поступили ей на счет как можно скорее после того, как мы запишемся.

* * *

Что было самое лучшее в этой новой работе?

Начинать рабочий день вместе со своим бойфрендом!

Улыбка на моем лице могла соперничать с улыбкой Чеширского Кота. Счастье есть на белом свете – и вот оно было. Абсолютный долбаный восторг! Я с трудом могла сдерживать радость, когда практически на рассвете мы приехали в дом Хайди и Дэвида Райанов. Уэс сказал, что если мы хотим показать Хайди такой, какая она есть, нужно начинать съемку тогда же, когда она начинает свой день.

Дом был двухэтажный, покрашенный в ярко-терракотовый цвет. Он стоял в двадцати футах от другого точно такого же, только покрашенного в песочный. Все дома в этом жилом комплексе были покрашены в земляные цвета. Некоторые были двухэтажными, другие – одноэтажными, но все вместе создавало впечатление, что при строительстве придерживались единого дизайна и стиля, подходящего для семейной жизни загородного образа. Мы были в Серритос, Калифорния, в добрых тридцати-сорока минутах езды до центра Лос-Анджелеса, и то при свободных дорогах. Когда я выходила из машины, мальчик – разносчик газет на велосипеде как раз бросил газету, которая приземлилась точно у крыльца Райанов.

Я показала мальчишке большой палец, и он помчался дальше, продолжая поражать меня своей точностью в разбрасывании почты. Уэс засмеялся и обнял меня за плечи.

– Пошли, городская девчонка.

– Вообще-то, наверно, стоит тебе узнать, что я в большей степени дитя трущоб и греха.

– А что, в Лас-Вегасе не доставляют почту? Думаю, доставляют все-таки.

Закусив губу, я пожала плечами.

– Почту никогда не доставляли к нам домой или в дома моих соседей. Мы были слишком бедны. А вот твоя почта волшебным образом утром появляется на столе. У нас есть такой вот мальчишка-почтальон на велосипеде? – Для меня это было откровением.

Он покачал головой.

– Не думаю. Надо спросить мисс Крофт. Она занимается такими вещами, но я никогда не видел мальчиков, которые катили бы по нашему холму на велосипеде, чтобы бросить пачку газет у ворот, – фыркнул он.

Я надулась. Очко в его пользу. Очередное очко.

Выскользнув из-под руки своего всезнайки-бойфренда, я постучала в большую шоколадно-коричневую дверь. Дэвид Райан открыл дверь и нахмурился. У него на шее болтался незавязанный галстук, рукава рубашки были незастегнуты, и он был босиком.

– Хм, чем могу помочь? – спросил он.

Теперь нахмурилась я.

– Мы по поводу передачи. Это же дом Хайди Райан, правильно? – спросила я, чувствуя некоторую неловкость.

Уэс успокаивающим жестом положил мне руку на поясницу. За ним стоял Уэйн, оператор, про которого я шутила, что он напоминает Уэйна из «Мира Уэйна», культового фильма девяностых. У него были длинные волосы, кепка, а одет он был в клетчатую рубашку и пару свободных шорт. Понятие дресс-кода было ему явно совершенно чуждо.

Из-за спины Дэвида, лицо которого выражало искреннее удивление, выглянула Хайди.
– Миа! Эй, входите! Я думала, вы, ребята, попозже приедете.

Дэйв открыл дверь пошире, впуская нас, и Уэйн прилип к камере.

– Не сейчас, – предупредила я. – Дай мне немного с ними поговорить, чтобы удостовериться, что мы не вторгаемся туда, куда не надо. Это же все-таки их дом и их жизнь.

Я рассказала супружеской паре наш план и предоставила Хайди возможность на слегка повышенных тонах объяснить все в подробностях супругу в соседней комнате. Когда они вернулись спустя несколько минут, он выглядел слегка смущенным и улыбался.

– Я прошу извинить меня за мое поведение. Она говорила мне об этом вчера вечером, но я слушал невнимательно – выдался нелегкий день в суде.

– Тогда вы позволите нам начать прямо сейчас? Не все, что мы снимем, войдет в сюжет, потому что у нас всего пятнадцать минут экранного времени, но нам нужно сделать хорошие кадры ежедневной рутины Хайди, если вы не возражаете.

Он улыбался – и это очень шло к его ярко-синим глазам. Темные волосы и серый костюм составляли с этими синими глазами идеальное сочетание и делали его похожим на Кларка Кента.

Уэйн включил камеру, и мы вошли в кухню, где за столом, рассчитанным на шесть персон, сидели трое детей. Хайди была занята приготовлением яичницы с беконом и тостов. Дети, казалось, вообще не заметили, что в кухне появились три незнакомых им человека.

– Уэйн,ними, как она готовит и кормит детей, а потом пусть они спокойно завтракают, о'кей? – Уэс уже был полностью в своей тарелке, голос его звучал по-деловому и властно.

Хайди сновала по кухне в халате, сервируя завтрак, кормя малыша из бутылочки, давая ему печенье в виде животных, утирая со стола. Ее движения были похожи на стихи. Или на музыку – настолько они были отточены и гармоничны. Каким-то незаметным образом она приготовила два завтрака с собой, для сына-школьника и для мужа, затем быстренько собрала школьный рюкзак сына и сделала кофе с собой для Дэвида, который буквально проглотил свой завтрак, поставил тарелку на стол и побежал наверх заканчивать одеваться.

Когда отец и сын уехали, Хайди убралась на кухне после завтрака. И только после этого съела тоненький тост. Она приготовила королевский завтрак для всей семьи – но самой ей достался лишь сухой кусок хлеба и глоток кофе.

– Нужно собрать Линнди и Лизу в садик.

Она показала на ребенка, которому было, на мой взгляд, около трех, и на малыша месяцев шести или около того.

Весь день мы ходили за Хайди по пятам.

Жизнь ее была утомительной. Она совершенно точно не зародила во мне огромного желания немедленно завести собственную баскетбольную команду. Уэс же, со своей стороны, был просто очарован ею, ему страшно нравились ее собранность и самоотверженность. Он следил, чтобы лучшие кадры не пропадали: моменты нежности между матерью и ребенком, между мужем и женой – с таким вниманием и волнением, о каких я и мечтать не могла до сегодняшнего дня.

Когда мы вместе с ней съездили за сыном в школу и вернулись домой, она села с ним делать уроки. Математика третьего класса вызвала у меня просто ужас – в наше время не было ничего подобного! Слава богу, у меня был Уэс – он сможет взять на себя все эти вещи с нашими будущими детьми.

Стоп.

Что?!!

Я что – думала о том, чтобы завести ребенка с моим киношником-серфером и эта мысль не вызывала у меня отторжения? О, господи. Я попала. Дети никогда не являлись частью уравнения моих отношений с другими мужчинами. Совсем. А вот судя по тому, как блестяли глаза Уэса, когда он брал на руки Линнди, в его планах на будущее дети совершенно точно присутствовали. Черт, если не соблюдать осторожность, он мог сделать меня замужней, босой и беременной меньше чем за год.

Я заметила, как он смотрел на меня, когда я играла с ребенком. Глаза у него были совершенно изумрудного цвета. Да, дети действительно делали его счастливым. Черт. Я готова была родить ему ребенка, только бы он смотрел на меня с такой же радостью и желанием, как сейчас.

Я покачала головой и вернулась к игре. Этот вопрос надо было бы обсудить после пары раундов в спальне, когда мы были бы пьяны и расслаблены, в романтическом и беспечном настроении.

Наконец, когда младшие дети улеглись на дневной сон, а старший отправился кататься на велосипеде, Хайди смогла выйти на свой задний двор. Когда она открыла дверь, я остолбенела. Это был настоящий волшебный садик, спрятанный от чужих глаз, с маленькими фигурками, болтливым ручейком, роскошной пышной зеленью повсюду и цветами... Боже мой... Цветы были в горшках по всему саду и на деревьях тоже. Всех возможных расцветок и видов. Я ни за что на свете не смогла бы их сосчитать, так много их было.

– Ого! – Уэс присвистнул. – Это потрясающе.

Хайди воспринимала каждое слово и похвалу с такой искренней радостью, что сияла, словно океан в лунном свете.

– Спасибо. Давайте я устрою вам экскурсию. Сад овальный – так что мы сможем обойти его весь по кругу. Я понимаю, он не слишком большой и все такое, но... – Она пожала плечами. – Это все, что мы можем себе позволить, и я его люблю.

Уэйн снимал, как я иду рядом с ней, расспрашивая о ее методах, о том, почему она выбирает такие разные растения, чтобы сюжет был интереснее. Она подняла большую корзину, в которой лежали садовые рукавицы и ножницы. Там нашлась лишняя пара перчаток, и она протянула их мне, а я торопливо их натянула. Мы обошли садик кругом и пришли к уголку, который был посвящен розам. Здесь были розы всех цветов, которые только можно вообразить.

– Это изумительно, Хайди! – Я вдыхала дурманыщий аромат роз всеми легкими как можно глубже.

Хайди показывала мне, какие розы можно срезать и где, и таким образом мы набрали с ней букет из пары дюжин свежайших роз. Потом мы перешли в другую секцию сада и там нарвали маленьких цветочков, которые она назвала однолетниками. Один из них, насыщенного бордового цвета, носил название «вьюнок Душа Мерло».

– Какое сложное название для такой маленького растения.

– Внешность бывает обманчива.

Радионяня, висящая у нее на бедре, закрывала, и она остановилась, поднесла ее к уху, мы тоже замерли. Я даже дыхание затаила. Не знаю, почему. Просто показалось, что так нужно сделать. Больше рация звуков не издавала, и она снова повесила прибор на бедро и продолжила.

– А вот это – «ирландские колокольчики», – она показала на четыре больших контейнера, стоящих на высоте примерно двух футов. – Видите, какой шикарный цвет?

Я кивнула.

– Они будут изумительно смотреться с этими розовыми и желтыми розами. А запах? – Она поднесла растение поближе к моему носу.

Приятный запах мяты коснулся моих ноздрей.

– Пахнет чудесно. Как мята.

Закончив прогулку, мы положили в наши корзинки, как мне показалось, просто огромную кучу зелени. Хайди отнесла все это на кухню и показала мне и остальным, как правильно отрезать шипы и стебли, чтобы цветы дольше оставались свежими. Она рассказала о преимуществах разных ваз и о том, как важно менять воду. А то, что она сделала потом, развеяло все мои сомнения в том, что мы попали этим сюжетом в яблочко.

Из длинного ящика она достала разноцветную упаковочную бумагу. Затем взяла круглые резинки, какие используют в магазине для овощей, и упаковала цветы в бумагу, закрепив резинками. А потом замаскировала не слишком красивые резинки лентами.

– И что вы будете делать с этими букетами? – спросила я, думая про себя, что с радостью взяла бы немного этой красоты домой, для мисс Крофт. Ей бы точно понравилось!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.